

Продолжение бестселлера
«Все наши скрытые таланты»



ТАЛАНТЫ, КОТОРЫЕ НАС СВЯЗЫВАЮТ



18+

КЭРОЛАЙН О'ДОНОХЬЮ

Кэролайн О'Донохью

Таланты, которые

нас связывают

Серия «Young Adult. Запретная магия»

Серия «Все наши скрытые
таланты», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69413092

Таланты, которые нас связывают: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-189121-3

Аннотация

«Таланты, которые нас связывают» — долгожданное продолжение мирового бестселлера «Все наши скрытые таланты». Совершенно очаровательная, захватывающая, наполненная магией история о девушке, открывшей в себе талант гадать на картах Таро.

Многое изменилось с тех пор, как Мэйв при помощи карт Таро разыскала пропавшую подругу. После посещения мира Домохозяйки у всех ее друзей раскрылись магические способности, которые они стали использовать, не думая о последствиях.

Ро может взламывать замки, Лили управлять электричеством, Фиона залечивать любые раны. А сама Мэйв обнаруживает, что умеет читать мысли других людей.

Вскоре в школе начинают происходить загадочные события, а в город возвращается опасная религиозная секта. И тогда четверо друзей понимают: игра с магией зашла слишком далеко.

Для фанатов «Ходячего замка», «Очень странных вещей» и «Ледящих душу приключений Сабрины».

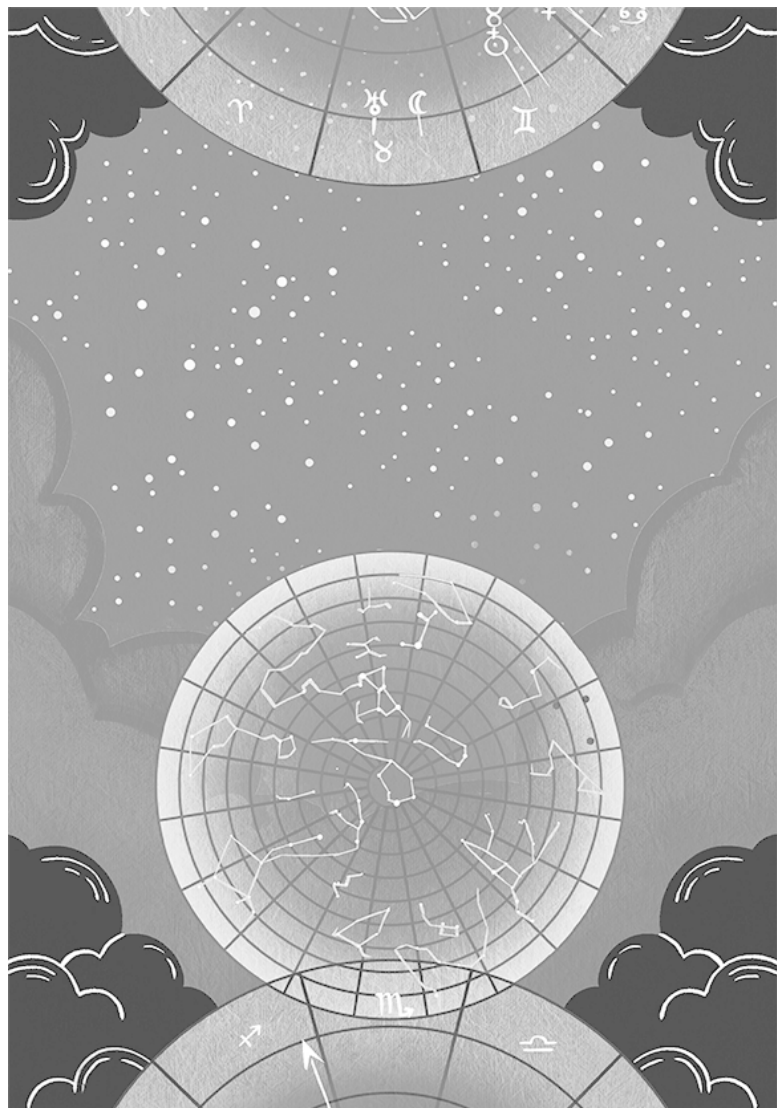
«Совершенно очаровательная книга, в которой волшебство становится таким понятным». – Мелинда Солсбери, автор романа «Дочь пожирательницы грехов»

Об авторе

Кэролин О’Донохью – ирландская писательница, автор бестселлеров The New York Times, журналистка и ведущая подкастов. После публикации дебютного романа «Promising Young Women» в 2018 году Кэролин была номинирована на премию Irish Book Awards и Kate O’Brien Award.

Содержание

1	9
2	19
3	37
4	61
5	72
6	87
7	105
8	116
9	128
10	135
11	145
Конец ознакомительного фрагмента.	147



Кэролайн О'Донохью

Таланты, которые нас связывают

МОЕЙ СЕСТРЕ ДЖИЛЛ,
ПОВЕДАВШЕЙ МНЕ О КНИГАХ,
ТЕЛЕВИДЕНИИ И ВЫЖИВАНИИ

Связывать, глагол

Скреплять что-то раздельное, скрепив концы. Установить сообщение между чем-либо. Установить отношения кого-либо с кем-либо или чем-либо. Соединить, объединить, поставить в отношения зависимости.

Связь, существительное

Отношение взаимной зависимости, обусловленности, общности между чем-либо. Тесное общение с кем-либо.

(Из словаря)

Caroline O'Donoghue
THE GIFTS THAT BIND US

© 2022 Caroline O'Donoghue

Published by arrangement with Walker Books Limited,
London SE11 5HJ

All rights reserved.

Cover © 2022 Lisa Sterle

Interior illustrations © 2022 Stefanie Caponi

Reproduced by permission of Walker Books Ltd, London
SE11 5HJ

www.walker.co.uk

© О. Перфильев, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пожалуй, я всегда буду вспоминать это лето как время, когда Ро научился водить, а я научилась читать мысли.

Он получил права в июне, быстро застраховал машину матери, и с тех пор она стала частью его. Частью всех нас. Знаете, это как какой-нибудь актер говорит по телевизору: «Нью-Йорк по праву можно назвать пятым персонажем этого шоу»; примерно та же логика применима и в отношении «Ниссан-Микра» миссис О'Каллахан. Ро называет машину «Линда». Моя мама называет ее «галопирующей личинкой».

– Мэйв, – кричит она у подножия лестницы. – Там скачущая личинка.

Я тяжело спускаюсь в прихожую, еще не привыкнув к новым кожаным «Мартинсам», натирающим ноги. Мама пытается закапать капли в глаза собаке, одновременно держа ее и раскрывая веки. Я снимаю с вешалки в прихожей маленькую сумочку с завязками.

«Надень пальто».

– Не надену, – отвечаю я. – На улице тепло.

И только потом осознаю, что мама не говорила этого вслух и что я ответила на ее мысленное пожелание. Она с подозрением смотрит на меня.

Ро научился водить быстро, но телепатия – это дар, требующий медленного освоения, странных навыков и постоян-

ных зрительных контактов. Нужно следить за тем, у кого шевелится рот. Я стараюсь дважды все проверять, напряженно прислушиваясь к своим ощущениям.

– Я подумала, что ты сказала...

Туту вырывает голову и пытается убежать. Мама хватается за него.

– Не так уж и тепло.

– Но сейчас август!

– В Ирландии!

Пожав плечами, я направляюсь к двери. И снова раздается ее голос.

– Может, тебе нужны... деньги?

Я останавливаюсь.

– Нет. Нуала вчера мне заплатила, все в порядке.

С тех пор как кончились занятия, я подрабатываю в «Про-рицании», местной оккультной лавке. У ее владелицы, Нуалы, нет возможности платить мне за работу много, но, учитывая, что я покупаю в основном только карты Таро и иногда хожу в «Макдоналдс», то мне в целом хватает.

Снова пауза.

– У меня в сумочке десятка, если хочешь.

– Все нормально, мам.

– Просто...

Пес окончательно освободился, получив по паре капель в уголок каждого глаза и разбрызгав почти все лекарство. Мама сдалась и перестала удерживать его на месте.

– Возьми. На всякий случай, – говорит она.

Все до сих пор думают, что ритуал был попыткой самоубийства.

Да, Фиона всем подряд врала, играя роль глуповатой театральной студентки, и говорила, что репетировала сцену с кинжалом вместе с друзьями. Нам казалось, что она держится настолько естественно, что все нам поверили, но мы не понимали, что все просто подыгрывают нам, дожидаясь, пока мы немного успокоимся, после чего можно будет выяснить, что же произошло *на самом деле*. При этом моя телепатия очень даже пригодилась.

Сосредоточившись, я могу разглядеть исходящее от людей свечение. От мамы исходит сиренево-серебристый свет, и я следую за ним, пока не узнаю, что она хочет услышать. Я понимаю, когда нужно успокоить ее, когда ответить уклончиво, а когда намекнуть, что я готова поведать кое-что еще, но не сегодня.

С момента ритуала прошло пять месяцев. Пять месяцев с того, как Лили О'Каллахан исчезла на весь февраль. С тех пор как заклинание и попытки вырвать друг у друга нож едва не погубили нас с Ро. С тех пор как Лили вышла из реки, мокрая и сердитая. В отличие от нас, ей наплевать, что про нее подумают, и она не врет. Отвечает всегда прямо, с легким сожалением в голосе: «Я была рекой. А река была мной».

Самое частое чувство моей мамы – беспокойство, что

неудивительно, но удивительно, как выражается это ее чувство. Ей постоянно кажется, что я куда-то иду, где мне грозит опасность, а она будет далеко и не сможет помочь мне. Ей очень хочется, чтобы я в ней нуждалась. Она пытается всучить мне деньги, и всякий раз, когда ей это удастся, ей становится немного легче.

– Ну ладно, – говорю я, вынимая купюру из ее сумочки, и целую в щеку. – Спасибо.

Сиреневый свет становится ярче.

Фиона сидит на переднем сиденье. Увидев, как я выхожу из дома, она пересаживается назад, к Лили. Мне нравится такая «автомобильная иерархия». Ведь официально я считаюсь подружкой Ро и, значит, по праву должна сидеть впереди. Я всегда восхищалась тем, как четко определяют свои отношения девочки в школе, напуская на себя ужасно важный вид, как будто каждая из них «первая леди». Раньше я даже не надеялась стать одной из них. А теперь определенно принадлежу к их категории – и невольно ощущаю себя старше. Как будто у меня поменялся статус и я перешла на ступень повыше.

Ро предпочитает по возможности использовать гендерно-нейтральные выражения, но мы пока так и не нашли замену слову «*бойфренд*». Мы даже искали в Google. «Любовь моя» – звучит стремновато. «Партнер» – скучно, слишком по-взрослому. Оставались еще всякие «дорогуша», «лапа», «азноба», но даже от самой мысли, чтобы так называть друг

друга при других, становилось противно. Иногда я в шутку говорю «джойфренд» или «моя радостная половина», но по большей части просто обхожусь именем «Ро».

– Ну что, Чэмберс, как «доки», все еще натирают? – спрашивает Фиона, наклоняя вперед спинку переднего сиденья, чтобы сесть на заднее.

Я морщусь, переводя взгляд на ноги. Несмотря на две пары носков, пятки все еще немного кровоточат.

– Откуда ты знаешь?

– Ты ковыляешь, как утка под «Прозаком».

– А ты сможешь что-нибудь сделать?

– С тебя молочный коктейль.

– Договорились.

– Ладно, садись и снимай ботинки.

Мы забираемся в машину, и я целую Ро в щеку. Его длинная серьга щекочет мне нос. Это я купила ему серьги в подарок на день рождения, в июне. Ряды жемчужинок на золотой цепочке – он буквально влюбился в такие, когда мы вместе посмотрели фильм «Влюбленный Шекспир». Сейчас он увлекается модой елизаветинского периода. Пытается даже раздобыть где-нибудь пышный воротник-рафф, чтобы выходить в нем на сцену.

– Привет, – говорит он, обнимая меня. – Как ботинки?

– Ты тоже заметил?

– У тебя был такой вид, как будто ты только что научилась ходить.

Сидящая позади Лили ничего не говорит. Не описывает мою походку, и не потому, что хочет пощадить мои чувства. В детстве, когда у нее был плохой слуховой аппарат, она с трудом принимала участие в групповых беседах. Часто теряла нить повествования, вставляла какие-то слова невпопад, и люди думали, что она специально ведет себя грубо. Но сейчас дело вовсе не в этом.

Если посмотреть на нашу четверку со стороны, то можно подумать, что все мы закадычные друзья и что дружба наша распространяется одинаково во всех направлениях. Но если приглядеться, то можно заметить, что Лили крайне редко обращается ко мне напрямую и часто смотрит в окно, когда говорю я. У меня даже немного замирает сердце, когда я вижу ее отрешенное выражение в зеркале заднего вида. *«Пожалуйста, – мысленно умоляю ее я. – Пожалуйста, ну посмейся же надо мной».*

Но она произносит совсем другие слова.

– Фиона, не поможешь мне завтра с математикой?

– С математикой? – переспрашиваю я. – Летом?

Молчание. Затем Фиона решает пояснить:

– Лили готовится к выпускному экзамену. Правда, Лил?

– Да, – кратко отвечает та.

От одного только упоминания выпускного экзамена мне становится не по себе. В конце учебного года никто не ожидал от меня особых достижений. Все считали, что меня слишком травмировали неожиданное исчезновение Лили и

моя странная роль во всем этом происшествии. Гадание на картах Таро, непонятная карта, ссора у всех на глазах, а затем – хоп, и девочка пропадает. И объявляется в тот же день, когда меня кладут в больницу с порезами на руках. Какие-то уж действительно странные факты, которые трудно объяснить и понять. Поначалу меня о многом спрашивали, и я ужасно ненавидела расспросы, затем предпочитали не затрагивать эту тему, чему я была благодарна. Ничто не раздражает так, как выражение лица, говорящее: «*Ну что, с ней все в порядке?*», хотя с ним вполне может потягаться и кивок в духе: «*Молодец, хорошо держишься!*»

* * *

Но в этом году никто меня в покое не оставит. Учителя уж точно. Ведь нам предстоит сдавать выпускные экзамены.

– Даже не знаю, что мне делать, – мрачно говорю я.

– Да все будет в порядке, – уверяет меня Ро. – Не так уж это и ужасно, как говорят. Просто многие любят раздувать из экзаменов целую драму.

– Тебе легко говорить, ты практически гений.

Он опускает зеркальце и начинает подводить глаза черным карандашом. Мне кажется, что от этого карандаша исходит жар, как от раскаленного угля, хотя это обычная подводка Rimmel. Руль уверенно поворачивается сам в нужном направлении, рычаг сам меняет передачи, Ро к нему даже

не прикасается. Неудивительно, что он так быстро научился водить. Ему с его-то даром не нужно даже держать руки на руле.

– Я не гений. Просто хорошо сдаю тесты, – отвечает он.

Он всегда так говорит, когда заходит речь об огромном отрыве в нашей успеваемости.

– В любом случае я уже решил, что буду делать дальше.

В его голосе слышно легкое безразличие. В случае с Ро проблема заключается не столько в самом экзамене, сколько в том, как он собирается распорядиться своими результатами. Все ожидают, что он наберет по крайней мере 550 баллов, что достаточно для поступления в самые лучшие колледжи и университеты не только Ирландии, но и Великобритании. Но Ро уже решил, что поступит в Килбегский университет, который считается далеко не самым лучшим. Его группа, «Маленькая частная церемония», начинает понемногу обретать известность, и он считает, что было бы глупостью на данном этапе бросать ее и переезжать в другую страну. Но его родители считают совсем иначе.

– Так ты собираешься снимать с себя эти орудия пыток, Мэйв, или как?

– Ага, сейчас.

Я снимаю ботинки и носки, но тут возникает проблема – как сделать так, чтобы Фиона дотянулась до моих ног. Я съеживаюсь и разворачиваюсь так, чтобы просунуть ноги в промежуток между водительским и пассажирским сиденьями.

– Ты что делаешь? – спрашивает Ро, когда я едва не задеваю пяткой его лицо.

– Пятки горят, – отвечаю я. – Может, Фиона поможет. Я смеюсь, заметив, что высказалась как будто в рифму.

– Ну то есть постарается их исцелить.

– А нельзя было подождать, пока...

Фиона хватается меня за ступни.

– О боже, Мэйв. Ты вообще знаешь о существовании такой штуки, как жидкость для снятия лака? Ну то есть не обязательно ждать, пока он сам слезет с ногтей.

– Мне приходится еще и работать, Фиона. Я вообще-то *деловая женщина*.

– Ну да, – говорит она, поглаживая руками мне лодыжки, пока я лежу вверх тормашками на сиденье.

В местах, к которым она прикасается, я ощущаю тепло и странное покалывание, как будто вырастает новая кожа. Мне до сих пор не верится, что она способна на такое, хотя она уже не раз доказала, что ей многое по силам, от прекращения судорог во время месячных до растворения швов.

– Поразительный дар, – говорю я. – Спасибо, подруга.

Потом я пытаюсь протиснуть ноги обратно и ударяю Ро по голове. Машина слегка виляет, и все мы вскрикиваем. Но через полсекунды он восстанавливает контроль над автомобилем, хотя и заметно сердится.

– Мэйв, – говорит он строго. – Нельзя было подождать?

– Подождать чего? Вообще-то здесь самое укромное ме-

сто.

И это действительно проблема. Наши способности растут, словно котята, которые из крохотных пушистых комков в коробке быстро превращаются во взрослых котищ. Нам нужно какое-то место, где мы могли бы практиковаться, не привлекая к себе внимания нормальных людей. Люди и без того считают нас слишком странными. Но найти место трудно: дом Фионы отпадает, потому что днем там постоянно находится ее маленький двоюродный брат Хосе. О'Каллаханы на взводе после всего случившегося, да и мистер О'Каллахан работает дома. У мамы в колледже сейчас летние каникулы. Остается только машина. «Линда».

Лили прочищает горло.

– Я практиковалась.

Мы с Фионой поворачиваемся к ней. Ро пристально смотрит на сестру в зеркало заднего вида.

– Где? – хором спрашиваем мы.

– В школе.

Школа Святой Бернадетты представляет собой постройку, которая никогда не должна была становиться школой. Это два викторианских таунхауса, стоящие на вершине холма в центре Килбега, и кроме них там почти ничего больше нет. Никакого спортзала, поэтому физкультуры у нас нет. В «музыкальном классе» стоит только одно расстроенное фортепиано, поэтому Лили приходилось обучаться игре на виолончели в музыкальной школе на другом берегу реки. Но при этом девочки из других школ часто говорят, как нам повезло. Повезло, что мы учимся в центре города, а не в каком-нибудь неказистом здании на окраине.

На протяжении многих лет школа Святой Бернадетты пользовалась репутацией блестящего образовательного учреждения для девочек со стандартами колледжа. В то время как отправить дочь в колледж было все равно что приобрести свою собственную скаковую лошадь. Теперь же, когда все подряд отправляют своих дочерей в колледжи и каждая школа соревнуется за звание «лучшей конюшни», «Берни» утратила свое былое величие. Теперь это просто старая постройка, в которую люди по непонятным причинам пытаются устроить своих девочек за несколько тысяч в год, тогда как большинство бесплатных школ, скорее всего, ничуть не хуже.

Когда Ро подъезжает к школе Святой Бернадетты, сумерки понемногу переходят в ночь; небо становится темно-синим. Фиона обращается к Лили:

— Когда ты сказала, что практиковалась в школе, что именно ты...

— Позади нее.

— Там один лишь мусор, — говорю я, вспоминая участки пожухлой травы на месте бывшего старого сада, где теперь стоят мусорные баки.

— Там расчистили пространство, — отвечает Лили, глядя на Ро, как будто бы это он спрашивал.

— Кто расчистил?

— Я ходила в школу на дополнительные занятия и видела чем-то занятых строителей на задней площадке. Мисс Харрис сказала, что они хотят переделать это место.

— Значит, ты решила попрактиковаться там в магии? — Ро приподнимает брови, глядя на сестру.

Лили пожимает плечами.

— Никто не заметит. Они же вечером расходятся по домам.

Заехав на парковку, мы видим огромный контейнер, заполненный обломками досок и всяким хламом, старыми занавесками, кусками заплесневелых обоев. Ро паркуется на самом краю, на тот случай, если здесь есть камеры наблюдения. Мы выходим из машины. Старое здание походит на полураздетую танцовщицу, еще не успевшую поменять наряд перед выходом на сцену. Окна на первом этаже полностью

заменены: раньше тут были тяжелые викторианские рамы, которые нужно было поднимать по меньшей мере вдвоем, а теперь это просто блестящая стена из новых стекол. Со старой двери содрана краска, а сама дверь с обнаженной голой древесиной словно поеживается на холоде в ожидании нового облачения.

– А может, просто... – начинает Фиона, но Ро уже уверенно поднимается по ступеням.

Все лето он мечтал о том, чтобы повозиться с новыми замками. Но никто не хотел рисковать и вторгаться в чей-то дом.

– погоди, – говорит Лили.

Она боком проходит по самому краю ступеней и взбирается на перила, словно гимнастка на бревне. Я перевожу взгляд на нависшую над входной дверью камеру наблюдения. Лили уже высокая, почти шесть футов ростом, и, опираясь для равновесия одной рукой о стену, другой достает до идущего от камеры электрического провода. Хватает его и закрывает глаза.

Раздается потрескивание, вспыхивают искры. Наши с Лили взгляды на мгновение встречаются, и я могу поклясться, что ее зрачки освещаются внутренним светом. Желтоватое сияние, подчеркивающее серо-желтые радужки – словно лесной пожар.

– Теперь все, – говорит она. – Ро?

Ро быстро подходит к двери. Я следую за ним. Меня переполняет любопытство. Как он воспользуется своим даром

на этот раз? Правую руку он кладет на ручку, а большой палец левой прижимает к замочной скважине. Прислушивается. Слушает, как двигаются четыре штифта в замке, как вращается цилиндр, как тихо звенит пружина. Я смотрю на свои часы. Тридцать секунд. Минута. Полторы минуты. Никто не произносит ни слова.

Спустя почти две минуты дверь открывается.

Странное это ощущение – заходить в свою школу летом. Понимаешь, что знакомое окружение – это по большей части люди, а не само место. Запах духов и дезодоранта, сэндвичей, книг, освежителя в туалетах, мусорных корзин – всего этого нет. Нет никаких настоящих запахов, разве что легкий аромат сохнувшей краски. Единственный звук – скрип моих ботинок по новому паркетному полу.

– А неплохо выглядит, – произносит Фиона. – Откуда у них деньги?

– В каком смысле «откуда»? Денег у них навалом, разве не так? Плата за обучение тут немаленькая, вообще-то.

– Но недостаточная, чтобы оплатить все это, – качает головой Фиона. – Кроме того, половина учениц нашего года ушли. Встретилась как-то с Мишель Брин, говорит, что не вернется. Люди начинают понимать, что «Берни» не стоит своих денег.

– Ну и еще никто не хочет отправлять своих дочерей в школу, где было «происшествие», – добавляет Лили, заглядывая в один из горшков, стоящих возле стен.

И она не так уж ошибается. Весной, перед окончанием учебного года, ситуация была довольно напряженной. О Лили О'Каллахан ходили разные слухи, и большинство родителей воспринимали их с опаской. То рядом с ней взорвутся лампочки. То в туалете раздастся электрический треск. Ее сила опаснее наших и не такая «попослушная». Из взрослых только Нуала понимала, что происходит, но все равно многие посматривали на Лили с подозрением.

В шестиугольном зале левая дверь вела в кабинет мисс Харрис, а правая – в кабинет сестры Ассумпты. Ро подходит к запертой двери сестры Ассумпты и осматривает замок. Я беру его за руку.

– Только не эту дверь, – говорю я. – Ей это не понравилось бы.

Мне самой странно, что я защищаю какую-то престарелую бывшую монахиню, владелицу школы. Но она и вправду очень ревностно относится к своему кабинету. Ро кивает и заходит в один из больших классов.

– Так откуда же у них деньги на такой пол? – спрашивает Фиона, со скрипом потирая кроссовкой полированный паркет.

– Ни хрена себе, – раздается удивленный голос Ро из класса. – Откуда у них деньги на *теннисный корт*?

Мы тоже заходим в класс. Ро стоит у дальнего окна и внимательно рассматривает что-то. Мы присоединяемся к нему. Фиона громко свистит.

– О боже, – говорит она. – Насколько я помню, тут были одни лишь мусорные баки.

– Очевидно, они купили участок позади школы, – произношу я, не скрывая своего удивления. – Какой огромный.

И участок действительно огромный. Я пытаюсь вспомнить, как это место выглядело раньше. По-моему, тут стояли старый газетный киоск и пара каких-то неказистых домиков. А теперь их полностью снесли и соорудили на их месте теннисный корт, самый настоящий, хотя еще и без натянутой сетки. С краю какая-то металлическая конструкция, над которой только начали работу – по всей видимости, раздевалка. Я содрогаюсь от мысли, что мне придется ею пользоваться. Они же не заставят ходить сюда шестиклассниц? Ведь нам уже слишком поздно начинать заниматься физкультурой, верно?

Вся площадка огорожена живой изгородью, голой и выглядящей не к месту. И вообще весь корт выглядит каким-то чужим, как будто школу взяли и перенесли на другую планету.

– Пойдем, посмотрим, – предлагает Ро.

Мы выходим через пожарный выход, возвращаясь в теплое лето. Ворота корта распахнуты.

– Так ты практиковалась здесь? – спрашиваю я Лили, и она, как обычно, даже не думает отвечать мне. Просто снимает рюкзак, открывает его и достает бутылку с водой.

Сейчас, почти в десять вечера, уже достаточно темно.

Каждый день солнце садится на две минуты раньше. Лето постепенно убывает, не спрашивая, хотим мы того или нет. У меня сосет под ложечкой. Я не хочу, чтобы лето заканчивалось. Не хочу, чтобы Ро поступал в колледж, а я начинала готовиться к экзаменам, не хочу снова окунаться во всю эту школьную суматоху. Мне нравится все, как есть сейчас. Нравится моя работа, нравятся окружающие меня люди, нравится распорядок дня.

Лили откручивает крышку бутылки и медленно идет к противоположной стороне корта. Прожекторы, похоже, еще не установлены, и мы едва видим ее. Хорошо видна только нависшая над ее светлыми волосами луна.

– Ну что, готовы? – спрашивает она.

– Да! – откликаются Фиона с Ро, а я что-то бормочу себе под нос.

Мы слышим, как она встряхивает бутылку и подбрасывает ее. Во все стороны разлетаются брызги. Но не успеваем мы спросить: «И это все?», как раздается громкий треск, и весь корт на мгновение заливают ослепительный белый свет. Видны только поднятые руки Лили, устремленные к брызгам в воздухе. Между каплями скачут электрические искры, освещающая ее, словно стробоскоп.

Мгновение спустя все вновь погружается во тьму. Слышно шипение газированной воды и снова треск. Снова вспышка белого света, освещающая лицо Лили. Она заставляет вспыхивать воду раз за разом, пока мы, ошеломленные, не

сводим с нее глаз.

Темнота. Вода. Треск. Свет. Лили.

Темнота. Вода. Треск. Свет. Лили.

В глазах у нас пляшут огни. Настоящее световое шоу, предназначенное только для нас.

* * *

Никому не хочется признавать свое отставание от Лили, поэтому мы все начинаем усердно тренироваться на теннисном корте по вечерам, после того как оттуда уходят строители. Если кто-то и заметил, что камеры наблюдения не работают, то он не придал этому значения.

Теперь это наше место. Теперь, по крайней мере до конца лета, мы можем быть здесь самими собой.

– Кто хочет посмотреть фокус? – озорным тоном спрашивает Фиона во второй вечер.

– Давай, показывай уже, – отвечаю я, лежа на нагретом за день покрытии корта.

Моя голова покоится на животе Ро. Я ощущаю его запах – тот самый особенный запах Ро, сочетание розы, жасмина, угля и соли. «Sure» для мужчин и «Шанель номер 5».

Фиона достает из сумки яблоко.

– Итак, смотрите: яблоко.

– Да, мы заметили, Стив Джобс.

Высунув язык, она достает острый нож.

– Ага... Джек-Потрошитель.

Фиона начинает очищать яблоко от кожуры, которая опускается длинной закручивающейся лентой. Солнце еще не зашло, и я внимательно всматриваюсь в ее сосредоточенное лицо – она даже закусила губу. Кожура опускается все ниже. Но тут я с удивлением замечаю, что поверхность яблока снова зарастает кожурой. Когда лента наконец падает на землю, яблоко выглядит совершенно целым. Как будто к нему даже не притрагивались.

– О господи, – восклицаю я, подпрыгивая. – Фи, это поразительно!

Фиона театрально кланяется в пояс.

– Значит, ты можешь восстанавливать не только человеческую кожу? Ты можешь делать и другие вещи?

– Да! Много всего. Недавно порвала колготки, сжала края дырки и представила, что это кожа. И дыра затянулась!

– Невероятно, – говорит Лили. – Настоящее волшебство, Фиона.

Она произносит это с таким искренним восхищением, что мне даже становится немного завидно. Уж слишком Лили восторгается Фионой. Между ними образовалось нечто вроде отдельной дружеской связи, не зависимой от нас с Ро. Вроде бы они ведут себя как обычные подруги, но все равно я ощущаю некоторую отстраненность.

Вернувшись из реки, Лили с трудом возвращалась к своей прежней жизни. Какое-то время ушло на то, чтобы заново

научиться разбираться в одежде. На протяжении нескольких недель после ритуала она постоянно путалась в пуговицах, молниях и шнурках. Однажды в доме О'Каллаханов она спустилась из своей комнаты, натянув рабочую рубашу отца задом наперед и застегнув ее на спине. Без лифчика.

– Фиона, – спросила она так, словно искренне искала помощи. – Это же неправильно, правда?

– Нет, детка, – тихо ответила Фиона. – Неправильно.

Они исчезли в ее спальне, а мы с Ро сидели внизу и беспокойно размышляли о том, не слишком ли много времени Лили провела в реке. Уж слишком сильной и странной была ее магия. Если наши магические способности проявились лишь после краткого посещения мира Домохозяйки, то какие изменения произошли с ней после нескольких недель пребывания там?

Фиона придумала, как помочь Лили с одеждой. Если все вещи одного цвета, то какие-то ошибки будут не так уж и заметны. Лили выбрала один цвет и теперь ходила во всем синем. Ничего не выбивалось из гаммы и не выглядело странным. Если все синее, то все нормально.

Жаль, что не мне первой пришла в голову эта мысль.

– Ну ладно, Мэйв. Теперь твоя очередь, – говорит Ро.

Я вздыхаю.

– Ну у меня-то не так круто, как у всех вас.

– Кто бы говорил. Ты же можешь читать мысли! – восклицает Фиона.

– Да, знаю, но это... как бы внутреннее состояние, понимаете? Смотреть тут не на что. Это не электричество, не умение обращаться с механическими штуками и не исцеление. Никаких ярких фокусов.

– Я загадаю число, а ты попробуй отгадать, – говорит Фиона. – Давай.

– Это очень утомительно, – протестую я.

– Ты не обрешь силу, если не будешь постоянно упражняться, – возражает она, словно персональный тренер.

– Давай, попробуй, Мэйв, – кивает Ро. – Приступай к Процессу.

В случае с хорошо знакомыми людьми до меня иногда долетают их случайные мысли – это все равно что услышать чей-то секрет, сказанный шепотом. Но обычно мне приходится напрягаться. Очень сильно напрягаться. И прежде чем заглянуть кому-то в сознание, проделывать ряд ментальных упражнений. Ро называет это в шутку «Процессом». Одна из тех штук, о которых мы сначала говорили с иронией, а потом привыкли. Процесс начинается с того, чтобы закрыть глаза и очистить разум.

«Очистить разум» – одна из тех тупых фраз, которые часто повторяют на YouTube те, кто вдруг решил заняться медитацией, но я не могу объяснить по-другому. Я представляю, что мой разум – это экран ноутбука, и я отправляю все значки – друзей, родных, страны, Землю – в мусорную корзину в нижнем правом углу экрана. Когда экран наконец

остается пустым, внутри моего сознания царит настоящая тьма. И тогда-то появляются огни.

Огни объяснить труднее. Я миллион раз старалась объяснить Фионе и Ро, на что это похоже, пока однажды не увидела фотографию северного сияния. Полосы и вихри бесконечного света, взрыв цветов, идеально организованных без малейших признаков предварительного планирования.

Вдох. Выдох.

Это легкая часть. Приятная. После этого становится сложнее. Наверное, Ро чувствует, как напряглись мои плечи, поэтому начинает поглаживать меня за ухом большим пальцем. Я наклоняю голову к нему, ощущая, как его прикосновение отдается во всем позвоночнике, словно проходящий по медной проволоке электрический заряд.

Сосредоточься, Мэйв. Сконцентрируйся. Вернись к огням.

Я ищу свет Фионы, стараясь отделить его от бесчисленного количества других лучей: мерцающей синевы Лили, кристально-белого Ро, коричнево-зеленых пятнышек, вероятно олицетворяющих биение сердца каждого крохотного невидимого существа. Комаров, птиц, сидящих в гнездах, лис, прячущихся в кустах. За ними видны пятна и лучи побольше, разноцветные вспышки, спящих вокруг нас жителей города. Я не знаю, как следовать за ними. Я не умею читать мысли незнакомцев, животных или кого угодно, на кого не устремлен непосредственно мой взгляд. Кажущийся безгра-

ничным дар на самом деле очень ограничен: я могу проникать в разум только хорошо знакомых мне людей, что кажется пустой тратой времени.

Цвет Фионы – мерцающий оранжевый. Очень важно найти его «хвост», ухватиться за него и последовать за ним, пока не появится ощущение, будто ты сёрфингист, подплывающий на гребне волны к изрезанной береговой линии сознания лучшей подруги. Я объясняю это себе так, как будто пишу справочник для будущих телепатов. Я даже не знаю, существуют ли такие на самом деле.

И вот я нахожу этот кончик луча. На нем две черные цифры, отпечатанные в самом начале сознания Фионы.

– Фиона.

– Да, Мэйв?

– Пятьдесят семь.

Она вскидывает голову, как всегда ошеломленная.

– Я говорила, что ты гений?

– Даже не близко.

– Как ты узнала? Как это выглядит?

– Я уже рассказывала.

– Как северное сияние?

– Именно.

– Ого.

Она ложится обратно на теннисный корт и глядит на звезды, прекрасно понимая, что мы не в той местности, чтобы наблюдать северное сияние, но все равно всматриваясь в

ночное небо.

– И какой у меня сегодня цвет?

– Ну, немного поземлистее. Более насыщенный. Более «глиняный», что ли, чем оранжевый. Как цветочный горшок.

– О, *обожаю* такой. Как ты думаешь, что это значит?

– Без понятия, – отвечаю я, откусывая заусенец с большого пальца. – Мне кажется, что у каждого из нас цвет становится насыщеннее на теннисном корте. Как бы богаче, что ли.

Ро садится и потягивается.

– А я, Мэйв? О чем я думаю?

Теперь, когда мое сознание настроено, я легко забираюсь в разум Ро.

– О завтрашнем выступлении, – отвечаю я.

– Ну это легко. Можно было и догадаться.

Я погружаюсь глубже. Нахожу нечто более особенное и хватаюсь за него. Ощущение такое, будто я держу в руках непоседливого щенка.

«Если *«Дети Бригитты»* снова объявятся, нам несдобровать», – думает он.

Я выпрямляюсь.

– Почему?

– Что «почему»?

– Почему ты так беспокоишься о «Детях Бригитты»?

Некоторое время после возвращения Лили «Дети Бригитты» активизировались, что не могло не пугать. Устроили ми-

тинг против аборт в Дублине, протестовали против гей-клуба в Корке. Но, похоже, со временем их интерес к Килбегу, чем бы он ни объяснялся, угас. Да, впечатление они производили устрашающее. Но ведь они теперь далеко от нас, и то, чем они сейчас занимаются, не наша забота. И, честно говоря, мы устали. Нам и без того приходилось волноваться за Лили. Религиозная группа на другом конце страны пугает не так, как лучшая подруга, которая забыла, как пользоваться одеждой.

– Я видел его пару дней назад, – отвечает Ро. – Аарона.

Мы все молчим. Стало как будто заметно холоднее.

– Где? – наконец спрашивает Фиона.

– Он... – начинает Ро и замолкает на секунду. – Я видел его в здании городской администрации. Буквально пару секунд. В окружении других людей. Он был в костюме. Как на деловой встрече. Но... не знаю. На мне была юбка ModCloth, и он... так посмотрел на меня, как будто бы точно знал, кто я.

– Конечно, он точно знает, кто ты, – сказала я. – Он же сорвал тебе представление. А ты сорвал его собрание.

– Нет, – поправляет меня Ро и останавливается, словно сам не знает, что имеет в виду. – Ну то есть... он как бы заглянул внутрь меня. Как будто буквально мог увидеть, кто я. Помнишь, как он на собрании заставлял всех признаваться в своих странных якобы «грехах»? Наверное, у них было именно такое ощущение. Как будто бы выставили напоказ все их самые сокровенные мысли. Ужасно.

Я кладу ладонь ему на плечо, прикасаясь рукой к его лопатке.

– Мне жаль.

Если бы не присутствующие здесь девочки, я бы обняла его. Сказала бы, что в нем нет ничего ужасного и отвратительного. Что он спокойнее и добрее любого известного мне человека. Что он воплощает собой самые лучшие черты каждого пола, сделав из них потрясающий коктейль. Глубочайшее проявление рыцарства. Старейший вид красоты.

Но девочки здесь, поэтому я спрашиваю:

– А что ты делал в администрации?

Его лицо заливают краска.

– О... Хотел дожидаться нужного момента, – он оглядывается по сторонам. – В общем, я собираюсь поменять имя. Официально то есть.

– Ро! – восклицаем все мы разом.

– Это *чудесно*!

– Это так *по-взрослому*!

– А мама знает?

– Нет, мама не знает, – отвечает он сначала Лили. – Но когда я думаю о том, что придется заполнять бумаги в колледже, записываться на разные занятия и везде писать «Ро-ри О'Каллахан», то мне кажется, что это слишком. *Уффф*. Ну понимаете.

В феврале, когда Лили только что пропала, «Ро» было тайным именем, о котором знали лишь единицы во всем ми-

ре. Я, Мил, пара онлайн-знакомых Ро. А теперь почти все знают его как Ро. Ему уже совсем не хочется вести двойную жизнь. Наверное, так и происходит, когда ты почти теряешь ту жизнь, которая у тебя есть.

– Получал кое-какие бланки в мэрии, – продолжает он, повернувшись ко мне. – Придется ехать в Дублин, чтобы оформить все официально. Поедешь со мной?

– Конечно! – говорю я, привлекая его к себе, чтобы обнять. – Дорожное приключение!

– Повод отметить, – говорит Фиона, вскакивая на ноги.

– С меня МакФлурри, – вспоминаю я про мамину десятку.

И мы все направляемся обратно к машине, поздравляя по дороге Ро. Наши мысли устремлены в будущее. Мы смотрим в него с надеждой. А потом затихаем.

Не нужно уметь читать мысли, чтобы догадаться, о чем мы думаем. Об Аароне в городской администрации. Почему он вернулся в Килбег?

– Я вот подумала, – вдруг прерывает молчание Фиона, – что мы получили силы не просто так, а по какой-то причине, правда?

– Я пережил встречу с Домохозяйкой, – усмехается Ро. – А за это мне досталась какая-то вшивая футболка.

– Нет, я имею в виду... – Фиона смотрит в окно. – Ну то есть «Дети» возвращаются, да? В Килбег. Их нельзя больше игнорировать.

Снова молчание.

– Нет, – наконец произносит Ро.

Всю дорогу, пока мы ехали, я ощущала, как у меня в животе разрастается темный цветок, а на глаза что-то давит изнутри. Как будто стоит мне выглянуть в окно, как я увижу стоящую на тротуаре Домохозяйку. Или Аарона посреди дороги.

Я кладу голову на плечо Ро и закрываю глаза, чтобы совсем ни на что не смотреть.

На следующий день у меня в «Прорицании» утренняя смена, так что времени достаточно, чтобы вернуться домой и подготовиться к выступлению Ро. Но когда я собираюсь, он звонит мне. В его голосе слышна паника.

– Мэйв, тебе сегодня когда на работу?

– К девяти тридцати, – отвечаю я, поглядывая на часы. А сейчас еще только восемь. А что?

– Послушай, вчера вечером я, похоже, потерял одну из сережек на теннисном корте. В машине ее нет. Можно попросить тебя поискать ее там? До начала смены?

– О боже, Ро, – сердито произношу я.

– Знаю, знаю, – он вздыхает извиняющимся тоном. – Я тупой болван.

– Да, ты тупой болван.

– Я бы и сам заехал, но мне еще ехать в глухомань за барабанной установкой Лайама, а я ужасно расстроился из-за сережки. Пожалуйста! Прошу тебя. Ты же все равно будешь в городе.

– Ну ладно, – соглашаюсь я, зевая. – Но лучше, чтобы сегодня мое имя оказалось в списке гостей. Иначе охранник попросит у меня удостоверение личности. Так что не забудь.

Однажды он забыл, и это был кошмар. Нам с Фионой пришлось сидеть в закуской до самого конца представления.

– Ты супер, – говорит он. – Спасибо тебе огромное.

– М-м-м. Люблю тебя, увидимся позже.

– И я тебя люблю. Ох, и еще...

Он замолкает.

– Что?

– Нет, я и так уже попросил тебя о многом.

– Договаривай уже, – вздыхаю я.

– Ты не могла бы как-нибудь... прорекламирровать наше сегодняшнее выступление? Среди ваших посетителей?

– Ро! – взрываюсь я. – Вообще-то это не входит в обязанности продавщицы. Да и покупатели не этого от меня ждут.

– Знаю, знаю, – повторяет он. – Прости. Забудь. Просто, понимаешь, к нам специально приезжает та самая звезда, причем не в рамках тура. Мил целую вечность пытается ее уговорить приехать в Килбег.

Я снова вздыхаю и понимаю, что мне придется выполнить и эту его просьбу. Мил с Ро вне себя от восторга, они уже несколько месяцев восторгаются певицей, которая называет себя Хонор Оун – «Честь Своя». И я их понимаю. Она потрясающая. Несколько лет назад ее звали Джейсоном, и это был ведущий вокалист группы «Джейсон и аэронавты». Группа была крутая по ирландским меркам: выступления на главных сценах музыкальных фестивалей во второй половине дня, объявления о выходе нового альбома по телевидению, иногда даже выступление в рекламе. А потом группа заявила о смене названия: теперь они будут называться просто

«Аэронавты». Никто не придавал этому особого значения. Потом Хонор продемонстрировала себя уже в женском образе, и так в Ирландии появилась своя первая транс-рок-звезда.

– Ну ладно, я постараюсь.

– Люблю-ю-ю-ю тебя-я-я-я...

– Да-да. Пользуешься моими чувствами.

– Ну да, разве это не замечательно?

Я подвязываю волосы, немного пушистые от статического электричества после расчески, и быстро одеваюсь. Через пять минут выхожу на улицу и направляюсь к автобусной остановке, немного расстраиваясь от того, что не могу как следует насладиться этим прекрасным утром. Ро с Фионой постоянно восторженно рассуждают о Дублине и Лондоне, но я не понимаю, почему они не видят красоты Килбега. Сейчас в самом цвету жимолость, все вокруг зеленое и освещено солнцем, пока не нахлынул полуденный зной. По реке плывет семейство лысух, почти полностью черных, с ярким пятном на лбу и клюве, как будто на них капнули штрих-корректором.

Через сорок минут я уже в школе. Хорошо, что после того как мы нашли дорогу к теннисному корту через переулок на заднем дворе, не нужно проходить через главный вход.

Когда я подхожу к воротам корта, солнце взошло уже настолько высоко, что я замечаю блеск от сережки в пятистах ярдах. Жемчужины мерцают в свете солнечных лучей, золото сверкает. Я выхожу на центр площадки, сажусь на корточ-

ки и осторожно поднимаю ее ногтями.

И в этот момент слышу чей-то свист.

Знакомый мне мотив.

Мотив, который я не забыла бы никогда, доживи я даже до годов сестры Ассумпты.

Я замираю, по-прежнему сидя на корточках. И не поворачиваюсь. Я закрываю глаза, но свист продолжается.

Блюзовый мотивчик. Как будто я стою на балконе в Новом Орлеане, а не на теннисном корте в Ирландии. Просто поразительно, насколько знакомой может казаться песня, которую ты даже никогда как следует и не слышала.

– *Хватит*, – говорю я.

– Я думал, тебе нравится.

В голосе с американским акцентом слышится легкое удивление.

Я поворачиваюсь. Передо мной стоит Аарон, засунув руки в карманы худи, в новеньких, словно только что с полки кроссовках. Я не видела его с марта, но он не изменился. Такой же энергичный блондин, для которого как будто специально сделали этот теннисный корт.

– Не нравится.

– *«Дамы, встречайте карту Домохозяйки! – запекает Аарон. – Надежду сулит она всем, а может, печаль».*

Он склоняет голову набок. Смотрит на меня.

– Так что там, Мэйв? Надежда или печаль?

– Что ты здесь делаешь?

Я стараюсь не показывать дрожь в голосе. Стараюсь забыть, что в последний раз видела его во сне, где он гладил волосы Домохозяйке, рассуждая о смерти.

Он игнорирует вопрос и вместо ответа начинает расхаживать взад-вперед, изучающе поглядывая на утрамбованную почву, поверх которой собираются уложить покрытие для корта.

– Ты только погляди, – говорит он, показывая на что-то.

Поначалу я ничего не вижу, а затем замечаю крохотный стебелек, выбивающийся из оранжевой глины. Зеленый стебелек с самым крохотным торчащим из него желтым лепестком.

Аарон нагибается – едва ли не садится на корточки – раздвигая колени, словно жаба. Крайне осторожно срывает стебелек.

– Хм-м, – тянет он, доставая бумажник, открывает его и кладет цветок в одно из отделений.

– Как ты узнал, что я буду здесь?

Он выпрямляется.

– Мы же оба сенситивы, Мэйв, – бесхитростно отвечает он. – Стоит тебе где-нибудь воспользоваться магией, как я сразу узнаю об этом.

Он говорит это отстраненно, без всякого чувства, словно отвечая на вопрос, какая у Франции столица.

– Это неправда, – возражаю я. – Не может быть правдой. Если бы это было правдой, то и я бы могла...

Что? Узнавать, когда он пользуется магией? Проследить за ним?

– Ты можешь, – отвечает он. – Если бы ты знала, что искать, то смогла бы найти меня.

Его нахальная самоуверенность начинает раздражать меня.

– О, ради всего святого, Аарон, – раздраженно огрызаюсь я. – С каких пор ты говоришь загадками?

Он усмехается, радуясь, что заставил меня выйти из себя.

– Я не говорю загадками. Я просто констатирую факт. А почему ты так враждебно настроена? Лето у тебя выдалось отличное, не правда ли?

Он произносит это таким тоном, как будто именно он позволил мне отлично провести лето.

Я смеюсь. Пустым, холодным, резким смехом.

– Когда мы виделись в последний раз, ты сказал, что хочешь убить меня.

– Нет, неправда, – он как будто обижается на самом деле. – Я сказал, что было бы *интересно*, если бы ты выжила.

– Почему?

– Потому что мы одинаковые.

– Мы *не* одинаковые, – в ярости восклицаю я и гневно ухожу с корта, сжимая в кулаке сережку Ро.

Мне хочется сдержаться, но я не могу пересилить себя.

– Во-первых, ты настоящий нацист. Ты угрожал людям, которых я люблю, ты набросился на Ро, напустил своих ша-

вок на мою сестру. И это я еще не говорю о незнакомых мне людях – о том бедном подростке на выступлении, на которого ты напал и которого окунул в ведро с водой.

От воспоминаний мне становится плохо, как от пищевого отравления. Желудок свело. Подростку было не больше тринадцати, и, наверное, ему и без того пришлось нелегко со всеми этими гендерными проблемами. А как сильно повлияло на его психику еще и это нападение?

Аарон продолжает стоять, словно немного смутившись. Как будто я предложила ему разгадать какую-то головоломку. Сложноватую, но это же ради удовольствия, так что какая разница.

– Мы похожи, – повторяет он спокойным тоном. – Гораздо сильнее, чем ты и твои друзья.

Мне хочется ударить его в лицо. На секунду хочется стать большим и высоким парнем. Чтобы решать такие вопросы кулаками. А затем я вспоминаю, почему магией занимается так мало мужчин по сравнению с женщинами. Зачем утруждать себя, если можно просто подраться с кем-то?

– Ты ничего не знаешь обо мне и о моих друзьях.

– Я знаю, что мы с тобой родились с тем, что у нас есть, – отвечает он. – А они получили свои способности иначе. Пролит кровь во время заклинания.

– И что?

– Так что они стоят меньше. Без тебя они были бы никем. Слова Аарона заставляют задуматься меня о том, были ли

у него вообще в жизни друзья. Ведь это я бы была никем без них.

– Твоя магия всегда будет отличаться от их магии. По сравнению с тобой это просто дешевые фокусы. Ты хоть представляешь, насколько ты уникальна, Мэйв? Насколько глубокий, древний и редкий твой дар?

Теперь он говорит, словно чародей из мультика, и меня это раздражает еще больше. Мне хочется, чтобы он и сам понял, насколько глупы его слова. Я выгибаю бровь и разворачиваюсь.

– А не слишком много чепухи для девяти утра?

– Знаешь, ты можешь многому научиться. Можешь научиться управлять своей сенситивностью.

Я ухожу, не слушая его. Он продолжает что-то болтать.

– «Дети Бригитты»... – доносится до меня. – Они помогут тебе...

Я начинаю бежать.

Голос его доносится до меня и в переулке. Как слабое эхо, отражающееся от стен.

– Я дал тебе шанс! – говорит он. – Первый. Осталось еще два!

– Что значит «первый шанс»? – спрашиваю я Нуалу. – Шанс на что?

Час спустя после этой встречи я сижу на полу лавки «Про-рицание», поставив рядом кружку с дымящимся кофе. На полу свалены книги по нумерологии, и я разбираю их, стараясь подобрать каждой подходящую цену.

– В этой написано, что шесть и восемь – это числа процветания. Может, выставить ее по шесть евро восемьдесят центов?

– Неплохое предложение, – говорит Нуала, надев очки и изучая распечатку о продажах за прошлый месяц.

Лавка оккультных товаров – не такое уж и прибыльное дело.

– Повтори точно, что он сказал. И как именно.

– Он говорил о том, что моя магия отличается от магии Лили, Фионы и Ро, а потом предложил присоединиться к «Детям Бригитты».

– А потом?

– А потом я ушла. Точнее, сбежала.

– И он сказал: «Первый шанс»?

– Да. И что осталось два. Это что-то магическое?

– Хм-м. Не викканское, – задумчиво произносит Нуала. –

В некоторых культурах считается вежливым отказываться от чего-либо трижды. Например, от приглашения на обед.

Она смотрит в пустоту, на некоторое время погрузившись

В МЫСЛИ.

– *Иисус Христос!* – восклицает вдруг она, как будто что-то осознала.

– Что? Что не так!

– Я имею в виду буквально. Апостол Петр трижды отрекся от *Иисуса*.

Я морщусь.

– И что, в этой аналогии он считает себя Иисусом?

– Наверное, так.

– О боже. Вот это *чувство собственной важности*.

– Он дает тебе три шанса перейти на хорошую сторону. Или на то, что считает хорошей стороной.

– А что потом? Вечное проклятие?

Нуала озабоченно хмурится.

– Наверное, что-то более буквальное и конкретное.

Нуала – единственный знакомый мне взрослый, с кем я могу поговорить о магии. Любопытно, насколько изменились наши отношения после ритуала. Из зловещей незнакомки она превратилась в наставницу, почти в подругу. Именно она объяснила мне, что такое «сенситивность». А теперь пытается обучить основам магии и управлению лавкой. Вика, травы, кристаллы, все такое. Она говорит, что обладать сверхъестественными силами недостаточно. Что нужно еще и учиться.

Я встаю и потягиваюсь.

– Что же все-таки задумали «Дети Бригитты»? Зачем вер-

нулись в Килбег? И зачем им нужна я?

Лицо Нуалы на минуту застывает, а это, насколько я понимаю, признак того, что она размышляет над чем-то, с чем еще не готова поделиться. Я на секунду задумываюсь, не попробовать ли мне заглянуть в ее мысли, но потом вспоминаю нашу клятву. «Только на теннисной площадке. Только когда мы одни. Только для тренировок».

– Ты когда-нибудь задумывалась над тем, как все это работает? – подает она наконец голос.

Нуала временами бывает настолько странной, что я даже не понимаю, подразумевает ли она под «всем этим» магию, управление лавкой, или капитализм в целом.

– Эм-м...

– Я имею в виду сенситивность.

Я пожимаю плечами. Нуала как-то объясняла туманным, типичным для нее способом о том, что сенситивность – это некая особая связь с магией и с землей.

– Ты сказала, что не все сенситивы ведьмы, но все великие ведьмы сенситивы.

– Да, но...

Она делает паузу, нажимает на кнопку на кассе, чтобы выскочил чек, и достает ручку.

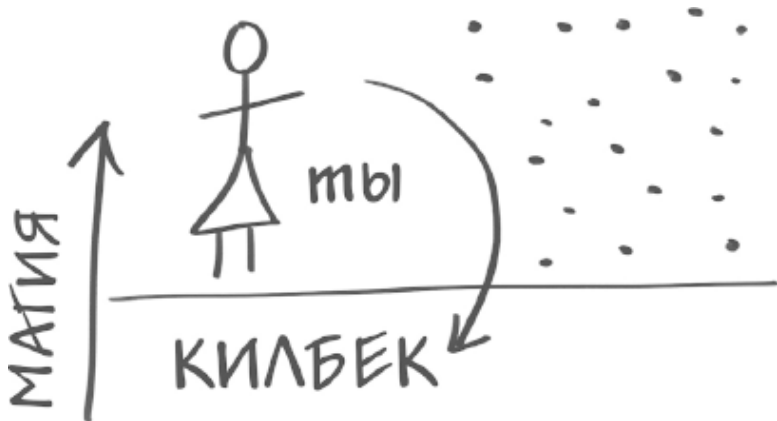


КИЛБЕК

– Это ведь я? – спрашиваю я, стараясь не переборщить с иронией. – Я в этом треугольном платье, которое всегда ношу?

– Тс-с-с, *ciúnas*¹, – прерывает она меня и продолжает рисовать.

¹ Тише (ирл.).



– Вот так, – говорит наконец она. – Представим, что в Килбеге находится некоторое количество магии. Ну подобно ископаемому топливу. Она хранится под землей, и все постоянно ею пользуются.

– Все постоянно пользуются магией?

– Если считать магией все существование – ну, знаешь, свободу воли, веру, выбор, убеждение, желание нарисовать красивую картинку... Все это магия. Понимаешь?

– О... ну да, – неуверенно отвечаю я, все еще не совсем понимая.

Меня охватывает досада, сожаление о собственной тупости, как бывает всякий раз, когда я усваиваю новую информацию.

– Так, значит, когда я *выбираю* смотреть сериал «Друзья»

вместо чего-то нового, то это тоже проявление глубинной магии?

– А заодно проявление интеллектуальной лени, – фыркает Нуала. – Но все это проистекает из того же самого места. Все связано с волей. С желанием быть хозяйкой самой себе.

По-моему, она почувствовала, что отвлекается, поэтому вернулась к рисунку.

– Все эти мелкие точки – люди, неосознанно пользующиеся магией. Каждый раз, когда они решают надеть что-нибудь красное, потому что такая одежда придает им уверенность в себе, – все это крохотные кусочки магии. А теперь перейдем к тебе, Мэйв.

Она постукивает ручкой по девочке с треугольным платьем.

– Ты, как сенситив, обладаешь более широким доступом к этой магии. Она выбрала тебя своей представительницей.

– Круто.

– Так что магия проходит через землю и поступает в тебя; в меньшей степени – во всех остальных. Затем возвращается обратно в землю. Ты произносишь заклинание, оно устремляется в воздух, сквозь деревья, в почву, обратно в землю.

Она еще более решительно постукивает по стрелочке.

– Эм-м... ладно.

Нуала рисует еще несколько самых примитивных фигурок с треугольниками.

– А это Лили, Ро и Фиона. По некоей причине, в ходе всех

этих происшествий с Домохозяйкой, они включились в круговорот магии. По крайней мере, такова моя теория.

Я стараюсь как следует осмыслить ее слова, изучая далеко не самый удачный рисунок.

– А каким боком к этому причастны «Дети»?

– Точно не знаю, – неуверенно отвечает Нуала. – Просто так получилось, что... два сенситива. Это не может быть совпадением. Должно быть, им *нужны* сенситивы.

– Но... зачем?

– Я не... Я точно не знаю. Но знаю, кто знает.

– Кто?

Она постукивает ручкой по носу – это такой ее способ сказать: «Разговор закончен».

Остаток утра Нуала проводит в странном молчании. Примерно в час она исчезает в комнате за лавкой, а потом выходит и запечатывает конверт.

– Хочу пройтись до почты. Можешь побыть тут одна полчаса?

– Конечно, – отвечаю я, пытаюсь украдкой разглядеть адрес на конверте.

Я не сомневаюсь, что этот конверт имеет непосредственное отношение к круговороту магии и к тому, кто что-то знает о нем. Но Нуала прикрывает имя большим пальцем. Мне удастся разглядеть только «454, улица Александра Пароди, Париж».

– Франция?

– Слишком ты любопытная, – сердито отвечает Нуала.

– Извини, – смущенно отвечаю я. – Вот бы мне кто-нибудь написал письмо. Даже не помню, когда получала что-нибудь интересное.

– Ну что ж. К письмам прибегают, когда не уверен, что кто-то ответит на твой звонок.

Она уходит, а я снова принимаюсь за работу – оценивать книги по нумерологии, которые мы решили продать по скидке. Любопытно, что астрологией и картами Таро увлекаются многие, но нумерология, похоже, никого особенно не интересует. Может, она напоминает людям о школьном времени, обо всех этих сложениях и вычитаниях.

– Извините, – раздается голос позади меня. – Вы тут работаете?

– Ой, – я мгновенно вскакиваю. – Да, работаю. Чем могу вам помочь?

Общение с покупателями – не самая сильная моя сторона. В тот момент, когда мне кажется, что я вот-вот стану великой ведьмой, кто-нибудь заходит, начинает расспрашивать о прошлых жизнях и о Рэйки², и я снова чувствую себя новичком.

– Я ищу благовония, – отвечает женщина. – Что-нибудь против комаров.

Ну хоть что-то простое.

² Вид нетрадиционной медицины, в котором используется техника так называемого исцеления путем прикосновения ладонями.

– Вам нужны палочки цитронеллы, – говорю я, подводя ее к полке, заставленной длинными прямоугольными паке- тиками, похожими на коробочки с волшебными палочками.

Я протягиваю ей один из пакетиков. Ее пальцы касаются моих, и я с удивлением осознаю, насколько теплая у нее рука. От неожиданности смущаюсь и только после этого стараюсь рассмотреть ее как следует.

Она немного старше Джо. Лет двадцать шесть. Из тех жен- щин, которые одеваются так, как, пожалуй, одевалась бы я, если бы у меня были деньги и я умела сочетать наряды. Ар- мейские ботинки и длинная, похожая на индийскую юбка из какого-то блестящего материала. Массивные серебряные кольца на пальцах. Волосы цвета темного золота, выющиеся и неплотно перевязанные платком.

– Возьму две коробочки, – говорит она, подходя уже к кар- там Таро.

Она берет колоду-образец и перекладывает карты.

– Ого, какие красивые.

– У нас неплохая коллекция, – хвастаюсь я. – И я помогала ее собирать.

– А вы занимаетесь... чтением карт?

– Ну да, – отвечаю я с гордостью, может, даже слишком высокомерно.

– Это трудно? – она разглядывает Туз жезлов.

– Честно говоря, не очень. Нужно только понять общие принципы. Легче обучиться чтению Младших арканов, они

как бы сами себя объясняют, и в них есть своя нумерологическая логика.

– А вы многое знаете, – говорит она. – Владелица лавки ваша мать?

– Нуала? Нет, – я улыбаюсь, пытаюсь представить Нуалу с детьми. – Я просто здесь работаю.

Я кладу ее палочки цитронеллы на прилавок и пробиваю нужную сумму.

– Хорошо, что тут есть такой магазин, – говорит она, кивая и одобрительно осматриваясь по сторонам. – Я даже не знала, чего ожидать. Я тут всего неделю, еще не очень хорошо освоилась в Килбеге. Да и вообще в Ирландии у меня почти нет знакомых. Я очень долго жила за границей.

Тут я вдруг вспоминаю просьбу Ро. Которая поможет мне укрепиться в звании «Лучшей девушки года».

– Да, кстати... эм-м... если вы еще не очень хорошо знакомы с Килбегом...

Я запинаюсь, чувствуя себя неловко.

Она смотрит на меня с любопытством.

– Завтра будет музыкальное представление, на Старом угольном рынке.

Она склоняет голову набок.

– Это такая концертная площадка, – уточняю я. – Не настоящий угольный рынок. Ну то есть давно уже не рынок.

– И кто выступает?

– Местная группа «Маленькая частная церемония», – от-

вечаю я, снова с некоторой гордостью. – Но там будет приглашенная звезда под именем Хонор Оун. В прошлом месяце она была на обложке *Hot Press*.

– Вроде неплохое предложение. А когда начало?

– Вход открывают в восемь.

Она говорит, что обязательно постарается подойти, а меня охватывает немного странное чувство от того, что я пригласила незнакомого человека. Она же тем временем уже достала телефон и ищет это место.

– Ага, вот, – нажимает она большим пальцем на экран, подтверждая покупку. – Взяла билет на представление.

– Вот Ро обрадуется, – произношу я искренне.

– Вы вместе?

Я киваю.

– Он вокалист.

– А у вас с социальной жизнью все в порядке, как я полагаю, – говорит она с восхищением. – В твоём возрасте я об этом только мечтала.

Я улыбаюсь, слегка польщённая. Потому что у меня действительно все в порядке с общением и с «социальной жизнью». Иногда, когда мы вместе посещаем какое-нибудь мероприятие, меня переполняют радость и восторг. Я до сих пор помню, как остро переживала одиночество, и мне до сих пор непривычно осознавать, что этот период закончился.

– Ну да, пока лето, есть где и с кем поразвлечься, – скромно отвечаю я. – Но в этом году мне придется готовиться к

выпускным экзаменам, так что скоро все изменится. Родители тогда меня точно никуда не выпустят.

Тут до меня доходит, что я слишком увлеклась беседой, и я начинаю упаковывать ее палочки.

– Моя школа минутах в пяти отсюда, так что, надеюсь, мне удастся иногда подрабатывать здесь по вечерам.

Она удивленно смотрит на меня.

– Школа Святой Бернадетты?

– Да.

– Но я тоже оттуда.

– Что? – удивленно спрашиваю я. – Извините, но вы выглядите такой...

Я едва не произношу «старой» и вовремя прикусываю язык. Она хитро улыбается, и мы обе смеемся над моей бестактностью, которую я едва не совершила.

– Взрослой? Нет, я там *работаю*.

– О, – я снова ощущаю некоторую неловкость.

Минуту назад она была крутой женщиной, интересующейся картами Таро. А теперь она учительница. Учительница, которую я пригласила на музыкальное представление. Она, похоже, поняла, что мне неловко.

– Не волнуйтесь. Я не настоящая учительница. Просто консультант.

– Удачное время вы выбрали, – от волнения я начинаю бормотать первое, что приходит мне в голову. – Там сейчас большой ремонт. Все обновляют. Теннисный корт и все та-

кое.

– О да, – говорит она, усмехаясь. – Я слышала о теннисном корте. Они им очень гордятся.

– Ну да, а как иначе. Раньше там лишь стояли одни мусорные баки.

Она расплывается за благоволия.

– Меня зовут Хэзер, – говорит она. – О, не знаю, но, наверное, в школе тебе придется называть меня «мисс Бэнбери», но в остальное время можно просто Хэзер.

– Приятно познакомиться, Хэзер. А я Мэйв.

Она улыбается.

– Приятно завести хорошее знакомство в первый же день. Честно говоря, я очень волнуюсь. Увидимся на презентации.

Я тоже улыбаюсь, надеясь, что время в школе будет не таким уж мрачным и что у нас будет по крайней мере одна веселая и молодая учительница.





Перед тем как отправиться на концерт, Фиона с Лили приходят ко мне домой. Фиона принесла три наряда, а Лили пришла в том же, в чем ходила весь день. Поскольку мне всегда приходится облачаться в то, что, на взгляд Фионы, ей не подошло, я очень взвешенно задумываюсь, прежде чем высказать свое мнение.

– Как насчет этого? – говорит Фиона, поворачиваясь в черном бархатном мини-платье с вышитым на бедре полумесяцем.

Этим летом Фиона тоже подрабатывала, по утрам, в театральном лагере для маленьких детей. И спустила все заработанные деньги на гардероб.

– Шикарно, – говорю я, слегка завидуя.

Не то чтобы и мне хочется выглядеть великолепно, просто у меня не хватает терпения ходить по магазинам, выбирая шмотки, как она. И мне недостает воображения, чтобы подбирать удачные сочетания.

– Но оно не подходит к ботинкам, – говорит Фиона, поглядывая на свои изумрудного цвета броги. – А я их обожаю.

– Ну тогда оставь ботинки, – советую я. – И составь образ, отталкиваясь от них.

Она стягивает платье через голову.

– Не думай, что если я не умею читать мысли, то я не до-

гадываюсь, что у тебя на уме.

Она швыряет мне платье, и я ловлю его.

– Спасибо, темная госпожа.

Лили лежит на полу, уткнувшись в свой телефон.

– Фиона, – говорит она. – У меня остался один процент.

Фиона быстро натягивает черные облегающие шорты поверх колготок. Вместе с ботинками выглядят они потрясающе. Потом подходит к Лили, натягивая расшитый блестками топ с низким вырезом на спине. Мне, конечно, досталось черное платье, но я все равно продолжаю мечтать о том, чтобы выглядеть как она, чтобы все было гармонично и шикарно.

Фиона ложится на пол рядом с Лили, и обе они возятся с айфоном. Я наблюдаю за ними в зеркало, нанося на брови тушь.

– Чем вы там занимаетесь?

– *Тс-с-с*, – шипит Лили раздраженно.

Обе они закрывают глаза. В комнате становится чуть теплее, возникает ощущение магии. Как-то немного странно ощущать ее за пределами теннисного корта. Не то чтобы это неправильно, но непривычно.

– Фи, что вы там делаете? – снова спрашиваю я.

Но они не отвечают. Через несколько секунд они одновременно открывают глаза.

– Вот. Теперь сто процентов, – говорит Фиона, выпрямляясь.

Я ловлю воздух ртом.

– Это ты о телефоне?

– Ну да, – отвечает Фиона, вставая и стряхивая пыль с одежды. – Узнали сегодня днем. Ну что наши способности могут работать как бы одновременно.

– Узнали? Как? Где?

– Мы были на теннисном корте.

Чувство, что меня проигнорировали, нарастает как комок в прокисшем молоке.

– Вы обе сегодня ходили на корт?

– Ага, – отвечает Фиона, а потом, явно почувствовав себя виноватой, добавляет: – Ну ты же работала...

Меня это не должно беспокоить. Если бы это были обычные подруги, то меня вообще бы не волновало. Но факт остается фактом: Лили меня ненавидит, и любой случай, когда она с кем-то весело проводит время, напоминает мне о том, что проводить время со мной ей больше не нравится. Она не простила меня за преданную дружбу, не простила за гадание с картой Домохозяйки, не простила за заклинание, превратившее ее в реку.

Я пытаюсь придать лицу безразличное выражение.

– Ну ладно, попробуем с моим даром. Фи, давай и мы сделаем что-нибудь вместе.

Фиона устало глядит на меня.

– Ну не знаю. Не думаю, что твой дом подходящее место для экспериментов. У тебя сейчас внизу родители. Да и нам

выходить нужно минут через двадцать.

– Да, наверное, ты права, – говорю я, стараясь не показывать разочарования. А потом кое-что вспоминаю. – Утром я была на теннисном корте. Ро попросил меня найти его се-режку, которую он потерял. И там был Аарон.

Обе они ошеломленно смотрят на меня. Как бы говоря: *«И она решила рассказать об этом только сейчас?»*

– Что ему там было надо? На нашем месте?

– Он сказал, что чувствует, когда я использую магию. Сказал, что между нами связь, – я морщусь при воспоминании. – Сказал, что у нас с ним гораздо больше общего, чем у меня с вами. Что ваша магия...

Я замолкаю, пытаюсь вспомнить.

– Что вы не родились с ней, или что-то вроде того, так что она меньше значит.

– О боже, – говорит Фиона, встряхивая волосы. – Как это похоже на *него*. Даже в магии у него расизм. В следующий раз как бы он не достал рулетку и не принялся измерять ширину наших черепов.

– Он предложил мне *присоединиться* к ним.

– Господи Иисусе, мерзость какая, – морщится Фиона.

Лили смотрит на меня как на нечто прилипшее к ее ботинку, от чего ей хотелось бы побыстрее избавиться.

– А Нуале ты рассказала? – спрашивает Фиона.

– Да. И она предложила целую теорию. О том, что мы все части магического круговорота, цепи обмена магией.

Я пытаюсь вспомнить слова Нуалы.

– Но я не очень-то поняла. Ну ладно, – говорю я более бодрым тоном. – Сейчас нам пора на автобус.

Но атмосфера сгущается. Как будто бы раньше я шла нога в ногу с Фионой, а теперь сбилась с ритма. А Лили вообще осталась где-то далеко позади. Я вдруг ощущаю себя «третьей подружкой», которая постоянно держится в стороне. Как будто, рассказав об Аароне, я стала еще ближе к нему. Как будто его предложение присоединиться к «Детям» только подтвердило подозрения о том, что у нас с ним есть что-то общее.

Мэйв, ты и вправду дура.

Фиона роется в своей косметичке в поисках хайлайтера.

Нет, лучше проверить, действительно ли я настолько глупа.

– Только волосы сперва поправлю, – громко говорю я и включаю в розетку выпрямитель волос и жду, пока он нагреется, а потом захватываю им прядь, чтобы сделать изящный локон в стиле GHD³.

Пока от моих волос исходит пар, я ищу свет Фионы. Теперь, после долгой практики, это дается мне легко. У меня даже получается одновременно орудовать выпрямителем.

«Хотелось бы, чтобы Мэйв не была такой ревнивой. Ты не можешь участвовать буквально в каждом разговоре. Иногда складывается такое впечатление, будто она дума-

³ Локоны в стиле GHD – укладка, созданная при помощи стайлеров GHD.

ет, что мир перестает вращаться, когда ее нет рядом».

На глазах наворачиваются слезы.

– Все в порядке, Мэйв? – спрашивает она вслух, пересекаясь со мной взглядом в зеркале.

– Да, – шмыгаю я носом, отпуская выпрямитель. – Немного обожглась.

Я ищу свет Лили. Я не часто заглядываю ей в голову. Это какое-то неудобное место, полное воды, течений. Но я все равно погружаюсь в него. Цепляюсь за ее свет и вхожу.

«Она меня так достала».

Я роняю выпрямитель, иду в ванную и тихо плачу, как настоящая дурочка.

– Мэйв, – доносится голос папы снизу. – Могу подвезти вас с девочками до центра, если хотите.

– Спасибо, – слова едва не застревают у меня в горле.

Я ощущаю боль и бессилие. Вот что такое настоящая телепатия. Слышать обидные мысли о себе и даже не иметь возможности открыто разозлиться на людей, которые так подумали. Телепатия – это проблемы, на которые ты сама нарываешься и в которых тебе некому винить, кроме себя.

В машине я по большей части молчу. Папа спрашивает Фиону о ее планах на колледж. Моим родителям нравится Фиона. Она из тех подруг, которых обожают родители.

– Хочу обучаться театральному мастерству в дублинском Тринити-колледже, – отвечает она с энтузиазмом. – Там училась Рут Негга.

Фиона постоянно твердит про Тринити-колледж начиная с самого начала лета. По ее словам, это единственное место в Ирландии, где начинающему актеру «хоть что-то светит».

Я смотрю в окно, все еще расстроенная от подслушанных украдкой предательских мыслей Лили и Фионы. Папа иногда бросает на меня взгляд.

– Знаешь, Фиона, я тут недавно прочитал, что Киллиан Мерфи учился в Ирландском национальном университете в Корке. И неплохой из него вышел актер, правда? А Корк гораздо ближе, чем Дублин.

Фиона презрительно фыркает.

– Корк ненамного больше Килбега. А я устала от захолу-
стья.

– Килбег считается настоящим городом, – вмешиваюсь я. – В нем даже есть свой кафедральный собор.

Меня раздражают эти ее рассуждения. Как будто она какая-то старлетка 1940-х, выросшая в глухом поселке, в котором были только почта и аптека. Да, я люблю ее, но такие слова выводят меня из себя. Я ерзаю в кресле, устраиваясь поудобнее, и больше ничего не говорю.

Почувяв смену настроения, Фиона продолжает:

– Да и Мэйв собирается поступать в Университетский колледж Дублина. Мы даже вместе хотим снимать квартиру, правда, Мэйв?

Это была фантазия, которой Фиона забавлялась какое-то время, а я ей не перечила. О том, что мы будем учиться

и жить вместе, как будто я когда-нибудь наберу достаточно баллов, чтобы поступить в дублинский колледж. Или вообще в любой колледж. Во взгляде отца, с которым у нас пару недель назад состоялся «очень серьезный разговор» по поводу моей успеваемости, отражается скептицизм.

— Ну что ж, посмотрим, — говорит он. — А ты куда собираешься, Лили?

— В Голуэй, — отвечает она. — Я хочу переехать в Голуэй. Я это слышу от нее впервые и поворачиваюсь.

— Ты хочешь переехать в *Голуэй*?

— Да, — холодно отвечает она.

— И что в Голуэе?

— Океан.

— А, ну да, — говорит папа. — Дитя природы.

— И поэтому ты ходишь на дополнительные занятия летом? Чтобы набрать баллы для Национального университета в Голуэе?

Я понимаю, что невежливо настолько грубо проявлять любопытство, но Ро и Фиона постоянно строили грандиозные планы, а о том, что Лили не собирается оставаться в Килбеге после школы, я слышу впервые.

— Да.

— Ну что ж, девочки, — говорит отец, останавливаясь. — Здесь наши дороги расходятся.

Мы все выходим из машины, благодарим папу и вместе идем по тротуару. Я не могу выкинуть из головы мысли о Го-

луэе. Мы пересекаем мост. Над рекой Бег висит небольшой туман. Лили оборачивается и смотрит на него тоскливо, как на старого любовника.

– Так на что ты надеешься, Лили? – спрашиваю я. – В смысле, по баллам.

Она отводит взгляд от реки.

– Баллов на четыреста.

– *Четыреста*, – повторяю я.

Мама подсчитала все мои ведомости и предсказала, что с такими средними оценками я едва наберу триста баллов. А я всегда училась чуть лучше Лили.

– Думаешь, у тебя получится?

Она ничего не говорит. Я по какой-то причине не могу заткнуться – меня охватывает волнение, подступает к горлу. Неужели к концу следующего года я единственная останусь в Килбеге?

– А ведь чтобы поступить в хороший университет, тебе нужно сдать ирландский, математику и один европейский язык, правда?

– Лили очень старается, – говорит Фифи с резкими нотками в голосе. Говорящими: *«Да хватит уже, Мэйв»*. – Правда, Лили?

Мы все замолкаем. Слышен лишь стук наших подошв по мостовой. Но я не могу остановиться. Мне не хочется, чтобы Лили уезжала. Я хочу, чтобы она осталась и снова научилась любить меня. Чтобы она больше не думала про себя: *«Она*

меня так достала».

– А ведь языки – это не самая сильная твоя сторона, правда?

И что на меня нашло?

– Мэйв, – предупреждает меня Фиона. – В воздухе запахло тупой стервой...

Это такая наша «гангстерская шутка». Мы так говорим, когда кто-то ведет себя неуверенно и глупо. Но сегодня я не в настроении шутить.

Лили поворачивается ко мне с улыбкой на лице. Берет меня за руку и на мгновение мне кажется, что она собирается приободрить меня. И тут по всему моему телу пробегает электрический разряд. Белая вспышка пронзает мое плечо и устремляется к ногам.

– Господи, Лили! – кричу я, отталкивая ее от себя.

– Что такое? – резко оборачивается Фиона.

– Лили ударила меня током!

– Лили, ты что? – Фиона переводит взгляд на Лили, и я на долю секунды испытываю удовлетворение, боль затихает.

Лили лишь пожимает плечами и ускоряет шаг.

– Опоздаем на концерт, – говорит она и идет впереди нас.

– Ты можешь поверить? – говорю я Фионе. – Она использовала свою силу против меня, Фи.

Фиона колеблется, а потом напускает на себя выражение миротворца. – Ну ты же подначивала ее...

Я сама не могу поверить в то, что произошло.

- Мы же поклялись, что не будем использовать наши силы за пределами теннисного корта, – неубедительно говорю я.
- Фи качает головой, не сводя с меня глаз.
- И ты тоже придерживаешься этой клятвы, да?

Когда мы добираемся до старого угольного рынка, между нами до сих пор ощущается неловкость, но это неловкость другого рода, противоположной крайности. Все ведут себя слишком вежливо, как будто хотят избежать ссоры. А это еще хуже. Мы стоим в очереди на улице, дрожим и перебираемся неуклюжими фразами.

– Я в восторге от Хонор, – говорю я, хотя это и звучит банально, и каждый из нас уже как минимум трижды повторил эти слова. Ро весь месяц только и твердил, что про Хонор.

– И Instagram⁴ у нее потрясающий.

Я заглядывала в него от силы дважды.

Фиона кивает.

– Она невероятная, правда? Ну то есть весь этот активизм...

Я киваю в ответ.

Хонор Оун пытается изменить систему здравоохранения, чтобы та больше соответствовала потребностям транссексуалов. Басист группы Ро, Мил, хочет сделать операцию в верхней части тела, и ему приходится притворяться, что у него психическое расстройство. «Это не сумасшествие, – говорит он, – просто мне не хочется, чтобы у меня была такая грудь».

⁴ Продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России.

– Думаете, у нас получится познакомиться и поговорить с ней? – спрашивает Фиона.

– Не знаю, – я достаю телефон. – Напишу сообщение Ро.

– Стоим уже тут целую вечность, – бурчит Лили, топчась на месте.

Мы приближаемся к входу и смотрим, как у всех тщательно проверяют сумки, причем не только на наличие алкоголя, но и оружия, а также предметов, которые можно использовать как оружие.

– Я читала, что на одном из ее концертов в прошлом месяце случилось происшествие, – говорит Фиона.

– «Дети Бригитты»? – тут же спрашиваю я.

– Возможно, – пожимает она плечами. – Или один из обычных трансфобов.

Наконец мы заходим внутрь, и перед нами появляется Ро в платье леопардовой расцветки до самого пола с разрезом на груди, через который просвечивает его голый торс. Я обхватываю его, обвивая руками.

– Боже мой! На эти выступающие ключицы можно вешать пальто.

О том, насколько он взволнован предстоящим выступлением, можно судить по тому, насколько крепкий поцелуй он дарит мне на глазах у всех. Я смеюсь и достаю из кармана его сережку.

– Я так тебя люблю! – говорит он.

– Ах да! – вспоминаю я. – И я заставила кое-кого купить

билет.

– Правда? – его лицо еще сильнее светлеет. – Кого?

– Хэзер, – отвечаю я и вижу, как все недоуменно смотрят на меня. – Это новая учительница из школы.

– *Нашей* школы? – озадаченно спрашивает Лили.

– Ты пригласила *учительницу*? – спрашивает Фиона. – И ее зовут Хэзер?

– Она крутая, – говорю я, словно защищаясь. – Она только что переехала сюда и совсем не знает Килбег. По-моему, ей понравилась моя рекомендация. Но я пригласила ее не как учительницу, а как просто человека. Я даже не знала, что она учительница, когда приглашала.

На меня смотрят как на сумасшедшую. Может, я и вправду сумасшедшая?

– Подумать только, кто-то хочет переехать в Килбег, – говорит Фиона. – *Добровольно*.

– Полегче, Фиона, – говорю я, даже не пытаюсь скрыть свое раздражение. – Некоторым из нас тут нравится, веришь или нет.

Глаза Ро бегают между нами, он ощущает напряжение.

– Ну ладно, мне нужно бежать, но потом приходите, познакомьтесь с Хонор. Она классная.

Он уходит, и Фиона поворачивается ко мне.

– Так когда приходит твоя подружка-учительница?

– Она не моя подружка-учительница.

Теперь я ощущаю себя глупо.

– Пойду выпью чего-нибудь. Вы хотите пить?

Я ухожу, не дождавшись ответа. Сажусь на барный табурет в дальнем конце, пью пиво и наблюдаю за тем, как входят посетители. К Фионе подходит какой-то парень и заговаривает с ней. Лили стоит рядом, засунув руки в карманы. Я смотрю на них и думаю, неужели Аарон был прав, и что у меня с моими лучшими друзьями гораздо меньше общего, чем я считала.

– Мэйв! – раздается радостный голос. – Как я рада, что ты тоже здесь.

Это Хэзер. Мне как-то немного неловко заговаривать с ней после фразы про «подружку-учительницу».

– О, привет, – отвечаю я неуверенно. – Так это, э-э-э... вы... пришли?

– Конечно. А чем еще заняться до начала учебного года?

При упоминании о начале учебного года мне становится еще более неловко от того, что я держу в руке спиртной напиток. Я ведь еще несовершеннолетняя. Правда, в Килбеге всем по большей части наплевать, но вдруг ей не все равно?

Похоже, она читает мои мысли.

– Не напрягайся, – говорит она, постукивая себя по носу. – Мне тоже когда-то было семнадцать.

Я улыбаюсь и по-прежнему неуверенно говорю:

– Вообще-то, семнадцать мне исполнится только в ноябре.

– Ну, во всяком случае, на мой взгляд ты кажешься достаточно взрослой, – добродушно говорит она.

– Ну, я, конечно, не ребенок, – отвечаю я, вспоминая о том, как плакала в туалете час назад, потому что подружки *плохо подумали про меня*.

Из динамиков раздается панк-версия «Fly Me to the Moon», и мы неловко стоим друг напротив друга, переминаясь с ноги на ногу.

– Мне нравится эта песня, – произносит наконец Хэзер. – И вообще мне все песни про луну нравятся.

– Все-все?

– Они все хорошие. Я даже придумала свою теорию. Луна – это самое прекрасное на свете, правда? Самое лучшее, что у нас есть. И, если ты хочешь петь про луну, нужно наряжаться как следует. «Встречаться с луной» – это все равно что отправляться на свидание с самым красивым мальчиком в школе.

Я смеюсь. Она забавная, немного странная и совсем не похожа на учительницу.

– «Dancing in the Moonlight», – предлагаю я. – Но в исполнении Thin Lizzy, а не Toploader. Ах да, и еще «The Whole of the Moon» группы Waterboys.

– Точно! – восклицает она. Похоже, мои варианты впечатлили ее. – Вот это я называю «винтажные отсылки».

– У меня много братьев и сестер гораздо старше меня. Научишься тут разбираться в «винтаже».

Свет гаснет, и на сцену выходит Ро в своем леопардовом платье.

– Наша группа называется «Маленькая частная церемония», – говорит он. – И мы здесь, чтобы украсть куклу Барби у вашего отца.

Я смеюсь. Он постоянно отпускает такие тупые шуточки. «Это он», – произношу я одними губами, повернувшись к Хэзер.

Ро начинает петь.

«А он хорош», – произносит она одними губами в ответ.

Через две песни ко мне подходит Фиона.

– Послушай, – говорит она, дергая меня за рукав. – Извини, что была такой стервой.

Она пододвигается ближе, наклоняется к самому моему уху.

– Нет ничего плохого в том, чтобы любить Килбег.

– Все хорошо, – говорю я искренне.

Я знакомлю ее с Хэзер. Они кивают друг другу, а потом мы с Фионой танцуем. Хэзер я больше не вижу. У нас с Фионой один из тех вечеров, которые бывают только между лучшими подругами, которые ни с того ни с сего поссорились друг с другом, но тут же помирились. Мы полностью увлечены настоящим, радуемся от души, как будто у нас наступил второй медовый месяц. К нам присоединяется Лили – похоже, она тоже веселится от всей души.

После очередной песни Ро сходит на танцпол и обнимает меня за талию.

– Выглядишь потрясающе, – говорит он, прижимая меня

к себе.

Я поворачиваюсь к нему, слегка опьяневшая от представления, и страстно целую его. Сквозь дешевую лайкру его платья я ощущаю его жар, как мускулистые изгибы его рук еще больше выделяются под тонким материалом. К нам подходят Мил, Лайам и Ди. Мил обнимает меня. Поначалу я боялась, что не понравлюсь ему, ведь я знаю, насколько крепкие дружеские связи между всеми участниками группы.

– «Мэй-дэй»! – восклицает Мил, еще крепче сжимая меня. – Вот это платье!

– Оно Фионы.

– Все равно выглядишь великолепно. Ну-ка повернись.

Я поворачиваюсь, хохоча и ощущая себя глупо. Потом взъерошиваю его пастельно-розовую прическу «пикси».

– Мне нравится.

Мил меняет прически с такой частотой, что каждый раз при нашей встрече мне хочется перекраситься в оранжевый. На фоне таких причесок я кажусь себе до скуки банальной.

– Могу помочь с твоей. Цвет – серебристо-ведьминский.

– Нет, обесцвечивание не для моих волос, – отвечаю я, потягивая себя за темный локон. – Но все равно спасибо.

На сцену выходит Хонор Оун, и атмосфера в зале тут же меняется. Она шесть футов ростом, с блестящими зелеными глазами и настолько выступающими скулами, что они похожи на две отполированные клавиши фортепиано, прикрепленные к ее лицу. Ее прическа и макияж стилизованы под

моду 70-х, с волнистыми разводами на веках. Я понимаю, что для такой прически мои волосы слишком густые и пушистые.

– Привет всем! – говорит она, чуть более сдержанно, чем Ро, когда он на сцене. – Ну как вам «Маленькая частная церемония»?

Рев одобрения. Зал уже полон, все разогреты выступлением группы.

– Вот это я называю вокалист. Не хотелось бы побороться с *ними* за место у микрофона.

Ро улыбается – непонятно, то ли просто из-за похвалы, то ли из-за того, что Хонор воспользовалась местоимением «они». Мы уже обсуждали с ним этот вопрос. Ро всегда говорил, что «он» для него – совершенно нормально, хотя и не совсем идеально, и что «они» не кажется ему более или менее неправильным. Я задумываюсь, не меняется ли его отношение прямо сейчас. Может, Хонор просто хотела проявить вежливость, не желая подчеркивать гендерную идентичность, поскольку сама она трансгендер.

Между тем она начинает исполнять свои песни, и тут же становится понятно, почему она попала на обложку *Hot Press*. У нее ошеломляющий голос и отличные песни: умные, но не слишком многословные, с кучей рок-припевов.

После выступления Ро представляет нам Хонор. Мы все немного теряемся в ее присутствии, произнося банальные фразы вроде «Отличные песни!» или «Классный наряд!»,

как будто нам по тринадцать лет.

– Нужно будет обязательно приехать еще раз, – говорит Хонор, застегивая чехол с гитарой. – Часто кажется, что за пределами больших городов никто тебя не слушает, всем наплевать, но это совсем не так. Наоборот, в маленьких городах гораздо более отзывчивая публика, потому что люди благодарны за твой визит. Самые худшие выступления у меня были в Лондоне. Просто куча кивающих стариков.

– Так, значит, по-твоему, Килбег потрясающий город? – спрашиваю я достаточно громко, чтобы услышала Фиона.

– Ха-ха, Чэмберс, – отзывается Фи. – Намек понят.

Ро не пил, поэтому может отвезти нас домой. Мы все немного возбуждены, шумим и слушаем компакт-диск Хонор в машине, спорим, где лучше заказать картошку фри.

В конце концов мы делаем заказ в «Дизиз» и едим прямо в машине.

– Ро, возьми меня за руку, – вдруг говорю я.

– Но у меня руки жирные.

Я протягиваю ему пакет с влажными салфетками.

– Давай. Хочу кое-что попробовать.

Я вспоминаю, как колдовали над телефоном Фиона с Лили. Меня и так часто многие обгоняли по жизни, не хватало еще, чтобы то же произошло и с магическими способностями.

– Фу, – говорит Фиона.

– Нет, спасибо, – произносит Лили.

Но Ро вытирает руки, и мы переплетаем пальцы.

– Итак... сосредоточься на машине.

– Но... мы же припаркованы.

– Просто сконцентрируйся.

Он концентрируется. Я тоже концентрируюсь. Начинаю Процесс, нахожу серебристый луч Ро, но не следую за ним в его голову. Как бы иду по потоку исходящей от него энергии и представляю, как от него свет устремляется к машине.

Музыка Хонор затихает. Раздается треск, шипение – такое ощущение, будто что-то заработало. Я задерживаю дыхание. Потом из динамиков проигрывателя доносится мужской голос.

– Итак, два бургера, две картошки фри, два соуса карри, одну сосиску в тесте, две банки диетической колы, да? Всего восемнадцать евро. Самовывоз? Чудесный заказ.

– О боже, – ахаю я. – О боже.

– Это чей-то телефонный звонок? – в изумлении спрашивает Ро.

– Не просто чей-то телефонный звонок, – говорит Фиона. – А очень даже неплохое предложение. Интересно, у них есть купоны?

– Фиона!

– Да шучу я. Да, это потрясающе!

Оказывается, это сотрудник «Дизиз» за стойкой. Он вешает трубку и тут же принимает другой заказ на три порции креветок.

– Я понимаю, что это поразительно, но, может, мы попробуем подключиться к кому-то еще? – предлагает Ро.

– Возможно, это незаконно, – говорит Лили без всякого выражения, произнося слово «незаконно» совершенно нейтральным тоном.

Я крепче сжимаю руку Ро и чувствую, как он сжимает мою в ответ. Между нами пробегает заряд энергии. Радио потрескивает. Через несколько секунд мы слышим другой голос.

– Такси на Парнелл-Роуд, 63? А куда вам нужно?

Краткая пауза.

– Чудесно, к вам приедут в течение десяти минут.

Мы задерживаем дыхание, взирая друг на друга в полнейшем недоумении. И снова переключаемся. На этот раз кто-то жалуется на няню, которая не укладывает детей спать. Переключаемся. Кто-то просит прийти побыстрее своего бойфренда. Переключаемся. Кто-то спрашивает свою мать, нормально ли попробовать откусить ногти на ногах ребенка, потому что ножницы кажутся слишком опасными. Мы хохочем, теперь нам хочется узнать, как можно больше всего любопытного про жителей Килбега. Мы узнаем немало забавного о том, чем занимаются люди субботним вечером. Голоса нас как бы убаюкивают, все говорят со знакомым нам с детства акцентом, и на меня накатывает волна любви к этому месту. Я буквально настроена на местную частоту. И почему мои друзья хотят как можно быстрее уехать отсюда? Почему их настолько привлекает перспектива оказаться чужаками в

каком-то незнакомом городе?

– По-моему, я знаю, кто был последний! – говорит Ро. – Похоже на одного парня из моего бывшего класса. Я узнал его голос.

– Вот видишь? – говорю я, в основном продолжая высказываться вслух. – А будь ты в Дублине, ты бы не узнал, кто это.

Ро добродушно улыбается, но сейчас мы настолько связаны с ним, что одна из его мыслей проскальзывает мне в голову: *«Опять она за свое. Прямо какая-то туристическая реклама Килбега»*. Меня на секунду охватывает раздражение, и я напрягаюсь, хотя и не отпускаю его руки. Радио в очередной раз переключается.

– Ну да, довод достойный... – раздается голос.

Знакомый. Следует пауза, и я думаю, что мне, наверное, показалось. Американский акцент.

– Нет, я не утверждаю, что не справлюсь. Ничего такого я не говорил.

– Это Аарон, – шепчу я. – Это его голос.

Остальные скептически смотрят на меня.

– Ты уверена? – спрашивает Ро.

– Это Аарон. Я даже не сомневаюсь. Я видела его утром, и его голос до сих пор звучит у меня в голове. О боже, так странно.

– Ш-ш-ш, – шипит Фиона, прибавляя громкость. – Послушаем, что он еще скажет.

– Мне кажется, Килбег – это просто пустая трата времени. А что нам еще делать?

Все мы замолкаем. Никто не шевелится. Наступает очередная пауза, пока Аарон слушает ответ. Любопытно, сколько уважения на этот раз в его голосе. Как будто он разговаривает с кем-то очень влиятельным, заслуживающим почти-тельного отношения.

– Нет, я понимаю, – говорит Аарон.

Складывается впечатление, что он раздражен, но очень пытается скрыть это.

– Просто, ну, знаете, в тот раз я сделал все, что вы просили, и я... И мне кажется, что я заслужил доверие... Ну да, я понимаю, что дело не в доказательстве, – поспешно добавляет он. – Да, дело в вере, я знаю, и вы понимаете это. Но я просто... Я бы смог сделать больше, если бы знал, что именно вам нужно.

Снова пауза.

– Понимаю. Я просто... Просто хочу сделать все как можно лучше. Для меня это важно, и в личном плане, и в духовном. В любом. Вы знаете. Так что позвольте мне...

Снова пауза. Аарон о чем-то просит, едва ли не умоляет? Но о чем? И почему?

Звонок заканчивается. Ро выключает радио.

– Ого, – произносит он, почесывая затылок. – Просто невероятно.

– Как это у тебя получилось? – озадаченно спрашивает

Лили. – Как ты его нашла? Из всех людей в Килбеге?

– Я не *искала* его, – вызывающе отвечаю я. – Так получилось. Это совпадение.

– Может, между вами действительно *есть* связь, – предполагает Фиона. – Как он и говорил.

– А что он тебе сказал? – встревоженно спрашивает Ро.

Я рассказываю ему о том, что произошло на теннисном корте, о трех шансах.

– Ну, в любом случае нам вместе следует выбираться из этого дерьма, – говорит Ро, когда я заканчиваю рассказ. – Нужно воспользоваться нашими силами, чтобы избавиться от «Детей». Понятно, что они просто так не уйдут из Килбега. Теперь же мы можем прослушивать их телефонные разговоры, это уже огромное достижение.

– Даже *он* не знает, зачем они вернулись в Килбег, – задумчиво произносит Фиона. – Вот что интересно.

Мы всегда воспринимали Аарона лидером, «главарем банды», но, скорее всего, он нечто вроде «регионального менеджера». И это нас беспокоит. Если способности Аарона относительно скромны, то насколько ужасными должны оказаться настоящие руководители организации?

– Наула сказала, что в районе Килбега располагаются запасы магии. Может... может, «Дети» пытаются как-то подключиться к ним.

Я пытаюсь рассуждать логически. Мы всегда предполагали, что Аарон – некое магическое лицо в некоей религиоз-

ной организации. Потому что «Дети Бригитты» сами по себе – это не магическая организация.

Я говорю это вслух. Фиона фыркает.

– То есть, по твоим словам, это разные вещи, правда? – спрашивает она. – Потому что для большинства людей религия и магия – это почти одно и то же.

– Да, – холодно отвечает Лили. – За исключением того, что, как мы убедились, магия реальна.

– Не знаю, справедливо ли так утверждать, – озабоченно вставляет Ро, очевидно, задумавшись о политических аспектах такого рассуждения.

Лили пожимает плечами.

– Благодаря магии я попала в реку. Для меня это факт. Но я никогда не встречалась с Иисусом. Так что...

Несмотря на теплый летний вечер, я ощущаю, как меня обдает холодом. Как всех нас обдает холодом. Такое ощущение, как будто кровь в наших телах вообще не двигается.

– Уже почти сентябрь, – задумчиво произносит Лили, глядя в окно.

Я не знаю, зачем она это говорит, разве что напоминает о том, что ночи будут становиться все длиннее и вместе с тем темнее.

А потом кое-что меняется.

Кое-что в воздухе, кое-что в настроении, кое-что в нас самих.

Ро готовится к поступлению в колледж и занят сбором документов для смены имени. Лили посещает дополнительные занятия. Тетя Фионы Сильвия собирается сдавать какой-то новый экзамен по работе, и Фи приходится еще чаще приглядывать за Хосе во второй половине дня. Нуала все чаще поручает мне замещать ее в дневные смены.

Поэтому мы не видимся неделю, и это после того как все лето провели, не отдаляясь друг от друга ни на шаг. Это я так сама объясняю себе.

Но я также знаю, что дело тут кое в чем еще. В том, что мы слышали по радио голос Аарона, и в том, что до нас постепенно дошло, что «Дети Бригитты» действительно вернулись в Килбег.

Никому не хочется в этом признаваться. Никому не хочется разрабатывать план боя. Никому не хочется снова рисковать жизнью. Может, мы и в самом деле не просто так получили свои способности, а именно для этого. Но кому захочется брать на себя такую ответственность?

Я спрашиваю Нуалу, каков, на ее взгляд, план «Детей». По ее ответу я догадываюсь, что она уже задумывалась над

Этим.

– Судя по приглашению Аарона, мне кажется, что они интересуются *молодежью*, потому что как бы «ищут таланты», – говорит она. – Я следила за ними по новостям. Похоже, их не слишком заботит, что делают взрослые грешники. Уж слишком они сосредоточены на молодых. «Молодежь в наше время» то, «молодежь в наше время» се... В их рядах есть сенситив, что достаточно редко, и им хочется получить второго сенситива, то есть тебя. И это подводит к вопросу: работают ли на них какие-то более взрослые ведьмы и маги?

– Нуала, – начинаю я, потрясенная тем, что не догадалась спросить раньше. – А сколько вообще на свете существует ведьм, магов и сенситивов?

Она задумывается, и я чувствую облегчение, понимая, что это вовсе не глупый вопрос.

– Викка – это не такая религия, где все точно подсчитывают, – говорит она. – Отчасти этим и объясняется ее привлекательность для некоторых.

– Я имею в виду...

Я стараюсь подобрать слова и сформулировать, что же я хочу спросить. Очевидно, что ведьмы и сенситивы существуют; это доказывает сам факт, что я работаю в магазине, где продаются различные магические предметы. Но ведь есть просто увлекающиеся, любители, а есть настоящие *ведьмы и маги*. Есть люди, которые верят в магию, а есть кто на самом деле обладает магическими способностями.

– Я имею в виду людей вроде меня и моих друзей. Которые могут... всякое. Кто сильнее связан с энергетическими потоками. С круговоротом магии.

– К магии причастны все, Мэйв. Как я уже говорила. И показывала на схеме.

– Да, но ты понимаешь, о чем я.

– Понимаю, – она вздыхает. – Ответить на этот вопрос еще труднее. Конечно, настоящие сенситивы встречаются редко. Один на миллион, я бы сказала. А то и меньше.

– Настолько редко? – недоверчиво спрашиваю я. – И все-таки как-то получилось, что ты знаешь троих, включая Хэвен.

Она моргает. Я понимаю, что не следовало вспоминать ее сестру. Упоминать ее имя имеет право только она.

– Извини, – бормочу я.

Она кивает.

– Да, сенситивы действительно настолько редки, но еще бывают люди, которые рождаются с естественными способностями или со склонностью к каким-нибудь определенным стихиям. Говорят, что легенды о ведьмах, которые не могут утонуть, связаны с некоторыми ведьмами, обладавшими особой связью с пресной водой и родившимися возле озер и рек. И что известные куртизанки были ведьмами огня, создававшими любовные зелья.

На мой взгляд это как-то размыто, и я пытаюсь вернуть Нуалу в более практичное русло.

– Сколько, например, людей, которые могут делать то, что делает Ро? Что делают Лили и Фиона? Ну нечто реальное. Управлять электричеством. Исцелять. Все такое.

Нуала вздыхает. Она очень не любит, когда я требую конкретики, не потому, что любит расплывчатые рассуждения, а потому, что, на ее взгляд, магия сложнее, чем простые вопросы, на которые можно четко ответить «да» или «нет».

– Они существуют, – говорит она. – По разным причинам и с использованием разных методов, но существуют. Они редки, но не настолько, чтобы о них совсем никто не слышал.

* * *

Тем вечером мы встречаемся на теннисном корте впервые за неделю.

– Результаты будут в среду, – говорит Ро безнадежным тоном.

– Хочешь, пойдем вместе?

– Мама с папой собираются...

– Встретимся после?

– Идеально.

Откуда-то издалека доносятся хриплые крики какого-то животного – может, это защищается лиса или дерутся между собой двое котов.

Фиона сегодня тихая. Тасует карты, делит колоду наугад и смотрит, что вышло. Колесо Фортуны. Двойка мечей. Маг.

Я легонько толкаю ее локтем.

– Все в порядке, маленькая леди?

– Просто думаю, – отвечает она. – О монологах.

– О каких еще монологах?

– Для прослушивания в Тринити-колледже.

– Так ведь это будет только в следующем году! Зачем сейчас-то волноваться?

Она снова делит колоду. Четверка пентаклей.

– Там очень большой конкурс. И только мест семнадцать в год.

У меня не хватает энергии успокаивать ее. Особенно если вспомнить, что Фиона получила все роли, все стипендии и все результаты тестов, которые когда-либо хотела.

– Да ладно тебе. Ты же Фиона Баттерсфилд. А это означает – практически застрахованная от провала.

– Не говори так, – холодно произносит она.

– Почему?

– Потому что это неправда.

Она яростно нажимает пальцем на следы укусов мошек, наблюдая за тем как на глазах заживает кожа, несмотря даже на проступающую каплю крови. Мне становится немного не по себе.

– Не делай так, – говорю я.

– Не указывай мне, что делать, – огрызается она так строго, что Ро тревожно вскидывает голову.

Молчание. У меня такое ощущение, как будто я сделала

что-то не так, но не знаю, что именно.

– Хочешь, почитаю тебе Таро? Расклад из трех карт?

Она кивает.

– Хорошо, тогда тасуй, – говорю я, и она тасует карты.

Какое-то время едва слышен только шорох карт.

– Сегодня новолуние, – вдруг заговаривает Лили. – Ты же в новолуние забрала меня?

– Забрала тебя?

– Из реки.

– Когда мы спасли тебя? Да, тогда было новолуние.

– Говорят, что в это время ведьмы сильнее всего.

– По-моему, в книгах пишут, что это просто хорошее время для темных искусств, – поправляет ее Фиона. – Для наших теневых половин.

Похоже, Лили воспринимает ее ответ как поощрение.

– Сейчас, кое-что покажу, – говорит она, встает, берет бутылку с водой и уходит.

Мы садимся, балансируя на вытянутых руках. Еще одно световое шоу? Вроде неплохо.

Лили доходит до самого края корта. Фиона выбирает свои три карты. Я переворачиваю первую – карту прошлого. Солнце.

– Радость, – говорю я, слегка улыбаясь. – Неудивительно. После такого-то лета.

Она переворачивает следующую карту – карту настоящего.

– Девятка жезлов.

– Упрямство, защитное поведение, – автоматически произношу я, чувствуя, что объяснений это не потребует.

– Что она делает? – спрашивает Ро.

Слышен звук сминаемого пластика, затем звук капель. Мы вглядываемся. Отсюда не разобрать, чем именно занята Лили. Слишком темно, и она слишком далеко.

Ро прищуривается.

– Она что... поливает забор?

Прежде чем я успеваю удостовериться в том, правда или нет, Лили поливает водой проволочное ограждение, раздастся резкий металлический скрежет.

– Лили, – громко говорит Фиона. – Что ты там сделала?

Мы аккуратно встаем, ощущая, как начинают затекать конечности. В воздухе вновь ощущается тепло, но не такое, какое выделяется при работе с магией. Это нечто другое. Пахнет медью – как иногда медь пахнет кровью.

– Ты наэлектризовала забор? – громко спрашиваю я.

С противоположной стороны площадки доносится возбужденный смех.

– О господи, – бормочет Ро и произносит громче, слегка настороженным тоном: – Ну хорошо, Лили, молодец.

Никакого ответа.

– Думаю, нам пора домой, – снова громко произносит он. Все мы беспокойно переглядываемся.

– Так мы *можем* пойти домой? – в моем голосе проскаль-

зывают нотки страха. – Если мы коснемся забора, нас не...

Вдруг раздается треск, за ним тут же резкий, высокий животный крик, а за ним глухой удар чего-то падающего на землю.

– Что это было? – неожиданно для себя я перехожу на шепот.

До нас доносится нечто вроде кваканья вперемешку с бульканьем. И сухой горячий запах. Как будто что-то поджарилось. Мы идем на звук. Нас встречает Лили с пышной от электричества копной светлых волос.

Птица. Точнее, сорока. Решила сесть на заряженный Лили забор, и ее ударило током. Птица ковыляет, в страхе пытается убежать от нас подальше.

– Ты что наделала, Лили? – спрашивает Ро.

– Да так, тренировалась, – отвечает Лили без всякого сожаления. – Мы ведь собирались потренироваться.

Фиона нагибается в попытке схватить сороку. Та распушивает перья, разводит крылья, стараясь придать себе большой и грозный вид, но понятно, что она до смерти боится Фиону.

– Стой смирно, глупышка, – говорит Фиона. – Я же хочу *помочь* тебе.

Редко когда увидишь птицу настолько близко. Блестящий клюв, глазки-бусинки. Они действительно ужасные по-своему.

Фиона обхватывает ее руками.

– Крыло. Она обожгла его о забор.

Я перевожу взгляд на Лили, ожидая, что она испытает хотя бы слабые угрызения совести от того, что доставила страдания невинному существу. Но... ничего.

– Так исцели ее, – спокойно говорит Лили.

Через несколько мгновений Фиона отпускает птицу, и та улетает, немного виляя и нисколько не выражая благодарности.

– Одна – к несчастью, – вспоминает Ро старую считалку и машет рукой сороке на прощание.

– Две к удаче, – продолжает считалку Фиона. – Кто-нибудь видел вторую?

– Нет, – едва слышно отвечаю я и добавляю: – Молодец, Фиона.

Всех нас потрясло происшедшее. А ведь на месте птицы могло оказаться существо побольше. Лиса, собака, человек.

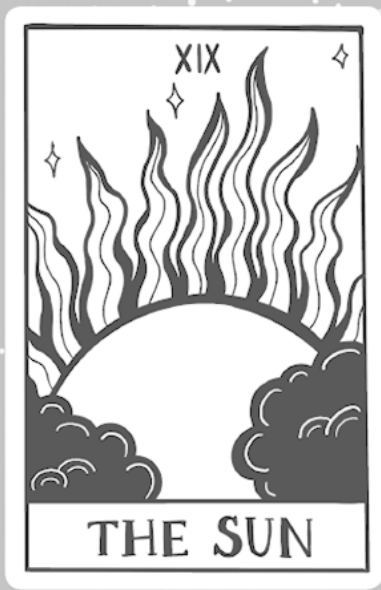
Порыв прохладного ветра разбрасывает карты. Мы бежим подбирать их, но они разлетаются по всему корту. Мы так и не узнаем, какой была последней карта в гадании Фионы – карта будущего – потому что она теряется на ветру.







WHEEL OF FORTUNE





Эпизод с сорокой тревожит нас троих. на протяжении следующих нескольких дней мы трое обсуждаем его по отдельности: я с Ро, Ро с Фионой, Фиона со мной. Вспоминаем то мгновение, когда нам показалось, что Лили заманивает нас в ловушку на теннисном корте; как она хвасталась своими способностями, как совершенно не жалела пострадавшую от ее рук сороку.

На что еще *способна* Лили? Все мы мысленно задаем этот вопрос, но не произносим его вслух. Не только магически, но и морально?

На следующий день Ро должен получить результаты, и мы договариваемся встретиться в «Кафе Брайди» после того, как он поговорит с родителями. Я покупаю два эклера с соленой карамелью и огромный чайник чая, чтобы отпраздновать это событие, сажусь на низкий диванчик возле двери и жду.

И жду.

Несколько раз проверив свой телефон, я начинаю беспокоиться о том, что он получил неутешительный результат и не хочет меня видеть. Поэтому я стараюсь снизить на несколько октав уровень тревоги в своих сообщениях. Стираю сообщение **«Скорей бы отпраздновать!»** и вместо этого пишу **«Скорей бы встретиться!»**.

Через двадцать минут ко мне подходит Брайди.

– Извини, дорогуша, – говорит она извиняющимся тоном.

Это довольно пожилая женщина, ей не меньше восьмидесяти, и раньше она всегда была очень добра ко мне.

– Этот диван у нас забронирован. Не могла бы ты пересест за столик поменьше?

– *Забронирован?* – переспрашиваю я, оглядываясь.

«Кафе Брайди» – самое дешевое во всем Килбеге. Я даже удивляюсь тому, что сюда можно позвонить и забронировать место.

Я перебираюсь за столик на двоих. Чай быстро остывает. Я отколупываю пальцем кусочки карамельной глазури. Потом заходит какая-то группа – четыре парня, старше меня на несколько лет. Поначалу я едва обращаю на них внимание и снова набираю сообщение Ро. И тут слышу свое имя. Напротив меня вдруг садится Аарон.

– Для меня? – спрашивает он, указывая на эклер.

– *Нет*, – резко отвечаю я. – Оставь меня в покое.

– Ну что, подумала?

Инстинктивно мне хочется встать и уйти, но тут я понимаю, что могла бы воспользоваться подвернувшейся возможностью. Чем дольше Аарон будет говорить со мною, тем сильнее я смогу погрузиться в его сознание и выяснить, что происходит.

– Ты хочешь, чтобы я присоединилась к «Детям». Зачем?

Трудно читать чьи-то мысли и начать Процесс, если чело-

век смотрит прямо на тебя. Я пытаюсь по мере сил очистить свое сознание.

– Думаю, так для тебя будет лучше. Мне кажется, ты очень одинока.

Уж слишком он меня раздражает. Мой разум отказывается очищаться.

– Громкие рассуждения для того, у кого нет друзей.

– А этих как ты назовешь? – он указывает кивком на сидящих на диване парней.

– Приспешники.

– Она все еще ненавидит тебя? Ну то есть Лили, – спрашивает он.

– Да, – я смотрю прямо ему в глаза.

– После всего, что ты сделала? Чтобы вернуть ее? Как-то немного грубовато.

– Почему ты говоришь со мной об этом?

Он барабанит пальцами по столу.

– Понимаешь, мы можем кое-чем помочь тебе.

– *Помочь?* Чем вы вообще можете мне помочь?

Аарон разводит руками.

– Ну не знаю. Любовные чары, чтобы удержать Ро. Дружеские чары, чтобы Фиона никогда не покидала тебя. Что-нибудь, чтобы тебе было легче в школе. Чтобы вообще не обращать внимания на школу.

Моя спина выгибается, словно у кошки. Я понимаю, что так действует сила Аарона. Она способна находить самые

слабые места. На секунду я ощущаю себя обнаженной. Беззащитной. Все мои худшие черты как на ладони.

– О, правда? – шиплю я. – И, полагаю, все это бесплатно?

– Тебе не придется участвовать ни в каких проповедях, если не хочешь.

– О, как любезно.

Аарон подбирает волос со своей одежды. Длинный и темный – точно мой. Наверное, волос упал с моей куртки, висящей на стуле, на котором теперь сидит он, но все равно это меня тревожит. Нечто, принадлежащее мне, находится на нем.

– Все, что ты сделала с Лили, – заговаривает он снова. – Любые заклинания, чары, привороты...

И тут кое-что происходит. Время как будто замедляется. То мимолетное выражение лица, которое должно длиться не более полсекунды и быть совершенно незаметным для обычного человека, становится ясным и вопиюще очевидным. Его взгляд скользит по мне, и на лице его отражается неуверенность. «Заклинания, чары, привороты...» Он бросает крючок наугад.

Он как бы вдруг открыл мне все свои карты.

Я широко улыбаюсь.

– Ты не имеешь ни малейшего представления о том, что мы сделали, правда? – говорю я, пытаюсь придать своему голосу как можно больше силы и превосходства. – Ты же удивляешься, что нам удалось вернуть Лили. Вы пытаетесь по-

нять, как это произошло. Вот почему вы не оставляете меня в покое.

Секунду он ничего не говорит, а только, как кажется, глотает воздух. Способность видеть его так ясно, так кристально четко определять его мотивы – неужели это такая особая магия, которой обладают сенситивы? Неужели мы действительно похожи как какие-то странные магические близнецы?

– Совершенно не понимаешь, что происходит, правда, Аарон? – я продолжаю растягивать губы в самой широкой ухмылке, на какую способна. – Понятия не имеешь, зачем ты вернулся в Килбег, не представляешь, как мы спасли Лили... просто какой-то бесполезный прихвостень, правда?

Он устраивается поудобнее на стуле, потерянное выражение на его лице сменяется любопытно-подозрительным взглядом. Я чувствую, как у него шевелятся в голове шестеренки. «Откуда она знает, что я не знаю, зачем мы здесь?»

– Брайди, – обращаюсь я к проходящей мимо хозяйке заведения. – Можно попросить коробку, чтобы взять с собой пирожные?

Она кивает в знак одобрения – возможно, заодно соглашаясь с тем, что я слишком засиделась.

– «Детям» нужна магия, правда? – продолжаю я.

Не знаю, откуда у меня взялись эти слова и такое самообладание. Говорю словно персонаж фильма. Нужно поскорее уйти, пока я все не испортила.

– Им надоело все, что ты можешь предложить. Они просто

используют тебя как приманку для ловли больших акул.

Надеюсь, что именно так охотятся на акул.

Брайди возвращается с белой коробкой, и я осторожно перекладываю в нее пирожные. Каждое действие я стараюсь выполнять подчеркнуто уверенно, словно говоря: «Посмотрите, я такая сильная, что могу говорить обо всем этом, одновременно собираясь на пикник».

– Думаешь, что мне есть чему поучиться у «Детей»? – продолжаю я, завязывая коробку. – А тебе не кажется, что, возможно, это вы можете чему-то поучиться у нас?

Теперь, когда пирожные в безопасности, я встаю и хватаю свою куртку.

– Это второй раз, – спокойно произносит Аарон.

– А что будет на третий? – парирую я. – Или тебе кажется, что ты имеешь дело с несмысленным карапузом? Потому что я-то знаю, что, когда мама досчитает до трех, ничего особенного не будет.

На ходу я бросаю взгляд на парней на диване, которые все это время внимательно следили за нашей беседой. Все они чрезвычайно симпатичные, что неудивительно. Я даже немного возмущена тем, насколько они бесхитростны и примитивны. Настоящие «дети». И это все, что они могут предложить? Двадцатилетних красавчиков и идеологию ненависти? Да кому вообще до них есть дело?

На улице меня почти полностью ослепляет солнечный свет. Едва выйдя из кафе, я заворачиваю за угол, прижи-

маюсь спиной к холодной стене и погружаю лицо в тень. Уверенность и сила покидают меня. Внезапно, подкошенная собственной слабостью, я начинаю плакать.

* * *

Когда мы наконец-то встречаемся с Ро, он не перестает извиняться. Мы сидим в его машине и едим эклеры. Свежий крем из-за жары начинает уже подкисать. Машина стоит рядом с рекой, на небольшой окруженной деревьями улочке, где люди паркуются, чтобы прогуляться с собакой.

– Мама с папой совсем распсиховались! – ворчит он.

– Но почему?

Он показывает мне распечатку.

– Господи, Ро! – почти кричу я. – Тут написано, что ты получил пятьсот девяносто.

В выпускной аттестат заносятся оценки по шести лучшим предметам, так что максимальная оценка – шестьсот.

– Да, – пожимает он плечами. – Отлично, правда?

– Так чего ж ты хмуришься? Это потрясающе! Ты гений!

Я снова смотрю на распечатку.

– Ох... ну ты и... о-о-о... – единственное, что вырывается у меня.

– Ну да. Папа разбушевался, потому что я якобы зря потрачу баллы на изучение английского в Килбегском университете. А потом мама расплакалась.

– Почему?

– Наверное, потому что ее отец всегда мечтал, чтобы в семье был врач? Не знаю. Как-то странно все пошло, – он вздыхает. – В общем, я поведал им новости. Решил, как бы сказать... содрать все пластыри сразу.

Мои глаза распахиваются. Подумать только – совсем недавно я считала себя самой храброй, отчитав Аарона, но это ничто по сравнению с Ро.

– Ты рассказал им о смене имени?

– Да, – снова он пожимает плечами. – Причем это рассердило их меньше всего.

Он смотрит на свои пальцы, и я понимаю, что какую бы новость он им ни сообщил, сейчас он готовится поведать ее мне.

– Ро?

– Я уезжаю в турне, – вдруг решительно проговаривает он. – С Хонор.

Он выдает эту информацию с безрассудством ребенка, отпускающего шарик с гелием. Я мысленно наблюдаю, как тот уносится вдаль, все выше и выше от меня, от моей жизни.

– И... когда вы договорились?

– Она связалась со мной через несколько дней после выступления. Сказала, что планирует мини-тур по Ирландии в ноябре. Две недели.

– Ну что ж, это замечательно, – говорю я, дергая его за рукав и стараясь не замечать комка в горле. – Отлично. И тебе

не придется долго пропускать занятия, правда? Ведь именно поэтому ты выбрал английский, не так ли? Много сочинений, которые можно писать в свободное время. Книги же можно читать, когда угодно.

Он кивает и продолжает:

– Если все пойдет хорошо, то она сказала... что мы могли бы обсудить мое участие в ее европейском туре в апреле. Но ей очень понравилась «Маленькая частная церемония». Она надеется, что мы прекрасно поладим в дороге.

Я с усилием сглатываю комок. Все меня бросают.

Он беспокойно поглядывает на меня, опасаясь моих слов, моей реакции. Нет, Мэйв, не порть ему радостный момент.

– Это так здорово, – говорю я, обнимая его. – Просто великолепно. Европейский тур!

– Она еще может и не пригласить меня, – говорит он смущенно. – До этого еще далеко.

– Время быстро пролетит, – отвечаю я, не в силах сдержать мрачные нотки в голосе.

Ро, кажется, не замечает их.

– А если европейский тур пройдет хорошо, то, возможно, я отложу второй курс в колледже.

Я провожу рукой по его волосам, стараясь не прослезиться.

– И гений, и рок-звезда.

– Как странно, – говорит он. – Тот вечер, когда Аарон сорвал наше выступление. Ведь именно поэтому Хонор услы-

шала о нас. Поэтому и связалась с Мил. С ума сойти. Все произошло из-за Домохозяйки.

– Надежду сулит она всем, – улыбаюсь я. – А может, печаль.

И тут, пока я держу Ро за руки, мне на ум приходят слова Аарона: «*Ты очень одинока*».

Я знаю, что я не одинока. Я обнимаю Ро. У меня есть друзья, которые меня любят. Ну то есть *подруга*, которая меня любит. Но чем чаще они строят планы о своем блестящем будущем, о раскрытии своих потенциалов, чем больше рассуждают о своей дороге в жизни, тем сильнее мне кажется, что они удаляются от меня. И что я останусь в Килбеге одна.

Я целую Ро в шею, в ухо, в губы. Сажусь ему на колени.

– Я люблю тебя, – шепчу я. – Люблю тебя и горжусь тобой.

Но на самом деле мне хочется сказать: «*Не покидай меня, не покидай меня, не покидай меня*».



Несмотря на то что мы ожидали этого на протяжении нескольких недель, начало занятий кажется ужасным сюрпризом.

Мы так долго наблюдали за процессом преобразований школы Святой Бернадетты за последний месяц, что входим в здание немного самодовольными. Все остальные явно удивлены ремонтом. И прочими изменениями. Мишель Брин была не единственной, кто покинул это «престижное заведение для девочек». В этом году нас осталось тридцать пять, хотя в прошлом было пятьдесят две. Теперь нам разрешили носить обычную одежду – обычный подарок школы шестиклассникам.

– О боже, – смотрит Фиона в телефон. – Мэйв, ты знала?

– Знала что? – отрываюсь я, бросая сумку на парту.

– Я только что увидела в Instagram «Маленькой частной церемонии», что группа собирается в тур по стране с Хонор Оун.

– А, ну да, – отвечаю я, вынимая свои вещи. – По-моему, я... уже говорила об этом.

Она изумленно смотрит на меня.

– Нет, не говорила! И Ро тоже!

Она снова переводит взгляд на публикацию.

– И мы даже не отметили это событие! Это же *потрясно!*

– Мама с папой с катушек слетели, – говорит Лили. – Поэтому Ро старается лишний раз об этом не распространяться. Ну, типа, если будет слишком восторгаться, то они поймут, что это для него так важно.

– Но *с нами-то* он мог не притворяться. Не знаю, отметили бы как-нибудь, потанцевали бы на теннисном корте. Ему всего восемнадцать, а он уже отправляется в тур с настоящей рок-группой!

– Да, – говорю я твердо и без особого энтузиазма. – Здорово.

Фиона качает головой, сбита с толку. Похоже, она собирается выведать у меня подробности, но в это мгновение Лили начинает мычать. Издает какой-то неопределенный, нечеткий звук, будто просто вибрируя горлом. Похоже на мотор холодильника.

– Эй, Лили, – настороженно спрашиваю я, переводя взгляд на Фиону, словно говоря: «Ты это видишь?». – Все в порядке?

Лили раздвигает губы в улыбке и пару секунд они мерцают голубоватым электрическим светом.

– Господи! – инстинктивно хватаю я за руку Фиону.

Лили сжимает губы, пряча зубы.

– Лили, что это было?

– На самом деле хочешь знать?

– Да.

– Если я булькаю в горле слюной, то получается ток.

– *Что?* И давно ты это обнаружила? – спрашивает Фиона.

– Сегодня утром. В автобусе. Круто, правда?

– Лил... – осторожно начинает Фиона. – Может, не стоит... делать это на людях. Тебя могут заметить.

– И что? – пожимает Лили плечами. – Кому какое дело? Не понимаю, зачем мне кого-то бояться.

Я вспоминаю, на что еще она способна, и тоже задаюсь этим вопросом.

Входит мисс Харрис, загоревшая после лета. Все рассаживаются. Мы с Фионой и Лили садимся в одном ряду. Фиона, разумеется, садится между мной и Лили.

– Доброе утро, девочки, – доброжелательно начинает мисс Харрис. – Надеюсь, вы все прекрасно провели лето и готовы наконец к шестому году обучения.

Далее она говорит о том, сколько стресса нам могут доставить выпускные экзамены, но если мы будем прилежно учиться и не оставлять всю работу на потом, то обязательно справимся.

– Нет ничего, что помешало бы всем вам получить в итоге то будущее, которое вы заслуживаете.

«Будущее, которое вы заслуживаете». Не *«хотите»*. *«Заслуживаете»*.

– Конечно, вы уже заметили, что вас гораздо меньше, чем в прошлые годы, а это значит, что мы сможем уделять каждой из вас больше внимания индивидуально. Разумеется, для этого мы должны внести некоторые изменения в учеб-

ный процесс.

«Заслуживаете». Какого будущего заслуживает телепатка из среднего класса с плохими оценками?

– Некоторые из вас уже отлично учатся, но им потребуется дополнительная подготовка к тестам, чтобы превратить пятьсот пятьдесят баллов в пятьсот девяносто, – говорит мисс Харрис, и я замечаю, как ее взгляд переходит на Фиону, – а некоторые из вас... испытывают трудности... и им потребуется другой уровень преподавания, чтобы справиться с экзаменами. Чтобы было лучше для всех, со следующей недели мы разделим вашу группу на две.

О, боже. Почему я этого не предвидела? Представляя себе выпускной год, я надеялась хотя бы провести его вместе с Фионой.

– У первой группы будут занятия здесь, на верхнем этаже, – продолжает мисс Харрис. – Вторая же группа будет заниматься в подвале.

– В Душегубке? – восклицает кто-то.

– Значит, отправляете тупиц под землю? – спрашивает кто-то еще.

– Летом мы сделали в школе большой ремонт, – немного раздраженным тоном поправляет их мисс Харрис. – Подвал теперь открытой планировки и прекрасно оборудован. «Ду...» – чулан расширили и превратили в кабинет.

– В понедельник мы проведем несколько тестов, – продолжает она, стараясь не передавать голосом никаких эмоций. –

Ничего страшного, просто мы хотим оценить способности каждой после каникул.

– О нет, – говорит одна из девочек. – Мисс, это нечестно. У нас не будет времени на подготовку. А нельзя распределить нас по оценкам в табелях?

– Можно, – сухо говорит мисс Харрис. – Но это не учтет усилия тех, кто работал летом. А я верю, что некоторые из вас работали.

Лили опускает глаза, улыбаясь. Знала ли она, что так будет? Неужели она ходила на дополнительные занятия, потому что хотела учиться в одном классе с Фионой и чтобы я осталась в подвале одна? Меня приводит в ярость мысль о том, что они будут учиться вместе здесь, наверху, и станут лучшими подругами, хотя познакомились только благодаря мне.

– Полный бред, – говорю я Фионе, едва мисс Харрис выходит из класса. – Выходит, они все-таки распределяют нас на умных и тупиц.

– Жаль, что так получилось, подруга, – хмурится Фиона. – И правда, отстой. Но мы же все равно будем часто видеться друг с другом.

– О, спасибо, что ты так веришь в меня. Мы даже не притворяемся, что я попаду в первую группу.

– Мэйв. Ты же сама все лето твердила, что никогда не будешь хорошо учиться в школе и что даже не собираешься пытаться.

– Знаю, – говорю я, проводя рукой по своим непослушным волосам. – Извини. Я просто...

– Понимаю, – говорит она, кладя мне руку на плечо. – Это ты извини.

Не следовало мне все лето прятать голову в песок. Нужно было учиться или просить помощи у Фи и Ро. Нельзя было пускать все на самотек или бояться пробовать. Бояться, что если я попытаюсь, то всем будет неловко за меня, если я провалюсь.

– Фи...

– Да?

– Ты... поможешь мне?

Она обнимает меня.

– Конечно, Мэйв. Приходи сегодня на ужин. Проверим, какие предметы тебе нужно подтянуть.

* * *

Ближе к концу учебного дня нас собирают для еще одного объявления. Мы трое к нему уже готовы, как были готовы к демонстрации теннисного корта. Нашему классу представляют Хэзер Бэнбери.

– Мисс Бэнбери – наш новый консультант по профориентации и по связям с учениками, – объясняет мисс Харрис, пока Хэзер стоит рядом с ней.

Глазами Хэзер находит меня и едва заметно кивает. Я

улыбаюсь в ответ.

Фиона подталкивает меня локтем.

– О, маленькая мисс Подружка учительницы.

– Заткнись.

Фиона хихикает.

– Скажи *привет* своей подруге-училке.

Мисс Харрис, словно услышав нас, продолжает более строгим тоном:

– Мисс Бэнбери – не учительница. Она здесь, чтобы помочь вам с выбором карьеры, а также чтобы следить за вашим психологическим состоянием на протяжении всего учебного года. Ее кабинет располагается в подвале. Я понимаю, что для многих из вас подготовка к экзамену станет стрессом. Но никакой экзамен и никакой колледж не стоит вашего психического здоровья и вашего счастья. Подготовка к экзаменам для некоторых – это серьезное испытание, и я хочу, чтобы у вас, девочек, всегда была возможность поговорить с кем-то беспристрастным.

Хэзер делает шаг вперед.

– Привет, – говорит она слегка застенчиво. – Буду рада познакомиться со всеми вами и узнать вас получше. Не сомневайтесь, все, что вы мне расскажете наедине, останется строго между нами.

Она снова улыбается мне.

После школы мы сразу же идем домой к Фионе. Приготовив сэндвичи, она раскладывает на кухонном столе свою

коллекцию заданий с предыдущих экзаменов.

– Итак, – начинает она деловито. – Что у тебя получается хуже всего?

– Справляться с гневом.

– Я имею в виду из предметов.

– Да шучу я, – ворчу я. – Наука. Я выбрала для сдачи экзамена биологию, потому что все говорили, что она легче химии или физики, но...

– Только без жизненных историй, Чэмберс.

Мы приступаем к биологии. Фиона рассказывает мне про фотосинтез, про клетки растений и клетки животных, а после устраивает для меня небольшой тест. Я стараюсь внимательно слушать, чтобы не обижать Фиону, которая очень серьезно относится к своей роли наставницы.

Но вскоре мне становится ясно, что мы, фигурально выражаясь, занимаемся расстановкой шезлонгов на палубе «Титаника». Фиона начинает с простых вещей, рассуждает о фотосинтезе и о том, что клеткам растений необходимы свет, тепло и кислород. Но не успеваю я подумать: «Ну ладно, это вроде бы понятно», как она вываливает на меня кучу новой информации, все вдруг становится каким-то слишком сложным, и я начинаю говорить что-то невпопад, лишь бы ответить. Фиона решает оставить тему растений и сосредоточиться на человеческом организме. Мы рассуждаем о крови, как мне кажется, часами.

– Итак, – терпеливо говорит она. – Скажи, в чем разница

между красными и белыми кровяными тельцами?

– Красные кровяные тельца... они... как бы на самом деле красная кровь?

– Красные кровяные тельца переносят кислород по всему организму, а белые кровяные тельца борются с инфекцией.

Тут начинает вибрировать мой телефон, и я инстинктивно протягиваю руку в надежде, что это Ро. Сегодня у него первый день в колледже. Но это звонит мама. Фиона выдвигает ящик со столовыми приборами.

– Извини, – говорю я, кладя трубку. – Так о чем ты говорила?

Фиона берет нож и совершенно спокойно втыкает его в свою руку.

– Господи боже, ФИОНА! Немедленно прекрати!

– Смотри, что сейчас происходит, – говорит она обычным тоном, промокая рану бумажным полотенцем. – Это процесс гемостаза, хотя и очень ускоренный. Мы уже говорили о гемостазе. Можешь сказать, что это такое?

Она сует кровоточащую руку мне под нос и держит прямо перед глазами. Меня тошнит. Почему она так поступает? Разве она не понимает, что это отвратительно?

– Нет, Фиона, – умоляю ее я. – Пожалуйста, убери. Меня сейчас вырвет.

– Гемостаз – это свертывание крови. После того как кровь сворачивается при помощи тромбоцитов – кровяных пластинок, – наступает стадия воспаления. Видишь припух-

лость вокруг раны? Смотри быстрее, а то скоро совсем затянется.

– Фи, хватит, – я отталкиваю ее руку.

– Ну, мне же пришлось смотреть на твою кровь, теперь смотри на мою, – с колкостью в голосе говорит она. – Вонзила в себя кинжал прямо на моих глазах.

Я смотрю на нее, застыв от изумления.

– Так вот в чем дело, Фи? Это... расплата за то, что случилось во время ритуала?

Она пожимает плечами.

– Так ты хочешь учиться или обсуждать кровопускание?

– Я хочу знать, предстоит ли мне узнать что-то еще, – я не свожу с нее глаз. – Мы же уже говорили о ритуале.

– Ты говорила. О себе, о своей благородной жертве, и о том, почему не хотела, чтобы я остановила тебя. Я знаю только, что два лучших моих друга закололи себя на моих глазах по *очень убедительным* причинам.

– Тогда почему ты так поступаешь?

В это мгновение хлопает входная дверь, и на кухню заходят родители Фионы. Отец Фионы работает администратором в больнице с девяти до пяти, а мама работает медсестрой с самым безумным графиком, поэтому их очень редко удастся увидеть вместе.

– Мэйв! Какой сюрприз!

Мари хлопает меня по плечу и смотрит на разбросанные по кухонному столу экзаменационные листы.

– Вы учились! Молодцы. А у нас было профсоюзное собрание, поэтому мы оба закончили в одно и то же время.

Мари начинает возиться на кухне, наполняет чайник доверху и включает его.

– Решили прогуляться. Такая романтическая осенняя прогулка. Вам бы тоже следует прогуляться. Скоро дни станут короче, и у вас разовьется сезонное аффективное расстройство.

– Эм-м, не думаю, что нам с Фионой так уж нужна *романтическая* осенняя прогулка.

Мари подбирает использованные Фионой полотенца в пятнах крови от раны, которая уже затянулась.

– Фифи, у тебя опять из носа текла кровь?

– Да, – не моргнув глазом отвечает Фиона.

– Разрежь тампон пополам, – советует Мари. – И воткни в каждую ноздрю. И скажи мне, когда такое случится в следующий раз, ладно?

Значит, Фиона занимается этим, не только когда я рядом. Она сделала это не ради урока. Это вошло у нее в привычку. Она делает это *дома*.

– Мэйв, останешься на ужин?

Лицо Фионы непроницаемо. Я специально тяну время, ожидая, что она попросит меня остаться. Но она так ничего и не говорит.

– Спасибо за помощь, Фи. Думаю, я усвоила, что такое гематоз, – говорю я на прощание.

– Гемостаз.

– Ну да. До завтра, и... это... осторожней с кровотечением из носа.

Я выхожу из ее дома, охваченная беспокойством. Мне хочется вернуться, остаться с Фи наедине и прочитать ее мысли, чтобы понять, почему она так поступает. Но ведь невозможно читать мысли в ее присутствии так, чтобы она этого не заметила – Процесс занимает слишком много времени, требует много энергии и сосредоточенности. Мне до сих пор приходится закрывать глаза. Она сразу бы поняла, что я за-
теяла.

«Привет! – пишу я текстовое сообщение Ро. – Можем поговорить?»

«Сейчас репетиция, – отвечает он. – Позвонить тебе вечером?»

Я отвечаю согласием, и он пишет, что позвонит в десять. Через четыре часа. Я иду домой пешком, любуясь предвечерним оранжевым солнечным светом. Мари права. На улицах красиво. Совсем не так, как полгода назад, когда весь город застыл в насланном Домохозяйкой снегу, когда замело дороги и когда отключили электричество. Я вспоминаю, как мы жили в атмосфере постоянного страха за Лили, за город, за самих себя. Я поднимаю руку, защищая глаза от солнца, и пытаюсь вспомнить, было ли мне тогда так же одиноко, как сейчас.

Фиона больше не предлагает мне помочь со школой. Остаток недели я занимаюсь сама, отчаянно пытаюсь наверстать за четыре дня то, что мы проходили целый год.

У Ро тоже начались занятия, и, похоже, колледж ему понравился. Теперь мы общаемся реже, и я стараюсь не винить его в этом. Его группа выступает на нескольких вечеринках первокурсников, и он отправляет мне несколько пьяных сообщений посреди ночи.

«Детка, не могу дождаться следующего года, когда ты услышишь про меня».

«Жаль, что Кешу не ценят так, как следовало бы!!! И помнишь, когда в ее имени был знак доллара?»

«Ну почемуuuuuuu ты такая красивая».

«Может, нам договориться с Кешей о совместном выступлении? Что думаешь?»

Лили, похоже, готовится к тесту так же усердно, как и я, и у меня складывается такое впечатление, как будто нам предстоит прослушивание на звание лучшей подружки Фионы. Как будто бы кто-то сказал нам, что в классе для успевающих осталось только одно место, а проигравшей придется сгинуть в подвале.

Однажды вечером я отправляюсь на дополнительные за-

нятия, отчасти потому что мне кажется, что обстановка там помогает, а отчасти, потому что надеюсь показать Фионе, насколько серьезно я отношусь к школе. Но это не работает. Все там сидят молча, и мне непривычно находиться в школе так поздно и не заниматься магией. Занятия заканчиваются только в девять, с коротким перерывом на ужин в шесть. Когда мы выходим, уже темнеет. Я иду к автобусной остановке и в какой-то момент замечаю, что неподалеку от меня в том же направлении идет Аарон.

– Убирайся, – говорю я, слишком уставшая, чтобы придумывать что-то более оригинальное.

– Я просто гуляю, – говорит он. – Видел сегодня твоего... *партнера*.

– Моего *партнера*?

– Ро. Он же теперь в колледже, не так ли? Мы туда ходили на агитацию. Похоже, у него теперь немало новых друзей.

В полутьме я чувствую, как у меня заливается краской лицо. Мне ужасно не нравится, что в последнее время Аарон видел Ро чаще меня.

– У меня есть вопросы, – продолжает он. – Про тебя и про него.

– С какой стати я должна отвечать на твои вопросы? Особенно про меня и про него?

Тут я обращаю внимание на то, что наши ноги делают шаги в одном и том же точном ритме. Кажется, что это одна пара ног, а не две. Я смотрю на стену и вижу, как наши тела

слились в одну форму. Фонарь отбрасывает одну четырехрукую и четырехногую тень футов шесть в длину. Я пытаюсь ускориться, но у меня не получается оторваться от него.

– Но я все равно их задам, – говорит Аарон бодрым тоном. – Во-первых, есть ли будущее у ваших отношений?

Я смотрю вниз, понимая, что он пытается задеть меня побольнее.

– Я знаю, что ты считаешь меня маньяком, – продолжает он. – Но мне просто любопытно. Вся стилистика его группы, понимаешь ли, выдержана в духе «квиров».

Голос у него спокойный и мягкий, как будто он не тот человек, который явился на концерт «Маленькой частной церемонии», чтобы сорвать его и устроить переполох.

– Это был не вопрос, – продолжает он. – Это, по сути, факт. Отраженный во всех социальных сетях, в которых они рассказывают о своей группе. Но как при этом... что при этом его связывает с его девушкой, учитывая, ну ты знаешь, его нетрадиционную идентичность?

«*Не отвечай, не отвечай, не отвечай*». Аарон занимается привычным для себя делом – пытается пролезть в маленькие щели твоей решительности, в которых таится твоя уязвимость. Не поддавайся на его провокацию, Мэйв. Дешевый трюк.

– Потому что он либо... как бы *притворяется*, изображая из себя представителя нетрадиционной ориентации ради повышения популярности своей группы – что вроде бы

не очень похоже на Ро, насколько я его знаю.

– Ты совсем не знаешь Ро, – огрызаюсь я и тут же понимаю свою ошибку.

Аарон улыбается. Он как будто выиграл очко, компенсируя тем самым проигрыш в нашей предыдущей беседе.

– Либо он не притворяется, – продолжает он. – И он действительно бисексуал, пансексуал или кто там еще, в таком случае... ну ему же всего восемнадцать. И ты его первый партнер, правда? Но вопрос не в этом.

– А в чем же тогда?

– Это математическая задачка. *Один* молодой человек, открывающий свою сексуальную и гендерную идентичность, плюс *один* музыкальный тур поделить на одну моногамную связь с подругой детства... что получается в итоге, Мэйв? Что возвращает нас к моему первому вопросу: есть ли будущее у этих отношений?

Я останавливаюсь. От высказанного меня охватывает холод, застывает кровь. Я сжимаю и разжимаю пальцы, ощущая странную смесь ненависти и облегчения. Аарон видит слабости других. Это его сила. Он может показать такое, что даже ты умудряешься скрывать от себя. И вот он стоит передо мной, обнажая глубочайшие мои страхи, вытаскивая их наружу, на осенний воздух, так, что теперь они окружают меня со всех сторон. Но почему облегчение? Да, он вытащил из меня все, что я прятала в глубине души, так что мне не придется теперь тащить этот груз дальше.

Это похоже на своего рода исповедь. Как будто он священник, вытягивающий из меня признание.

– Он любит меня, – говорю я с уверенностью, будто произношу заклинание. – Он любит меня гораздо больше, чем кто-то когда-либо любил тебя. Вот почему ты ничего не понимаешь. Потому что тебя никогда не любили.

Он выгибает брови, как будто разглядывает длиннющий чек и думает: «Не на такой результат я рассчитывал».

– Ты преисполнен ненависти, – выпаливаю я. – Наверное, это единственное, что тебе понятно, так что поговорим на твоём языке. Я ненавижу тебя, а ты ненавидишь меня и все, что мне дорого.

– Я тебя не ненавижу, – бесстрастно отзывается он.

– Нет, ненавидишь. Ненавидишь мою сестру, ненавидишь ее подругу, ненавидишь Ро, ненавидишь его фанатов. Ненавидишь все, что не укладывается в твоё неонацистско-христианское представление о мире. И знаешь, что самое печальное? В этом ты совершенно неоригинален. Ты бы мог прямо сейчас проникнуть в сон какого-нибудь диктатора и убедить его не убивать тысячи человек. Но нет, ты *здесь*. В Килбеге, с своей средневековой чушью.

Он выглядит удивленным. Приятно наконец-то упорядочить свои мысли и произнести речь, которую я мысленно составляла несколько месяцев.

– О, я понял, в чем дело, – произносит он наконец. – Ты думаешь, что я ненавижу геев и лесбиянок.

– Так, по-твоему, ты их *не* ненавидишь? – я смеюсь сухим, пустым смехом.

– Нет. Их ненавидит Бог.

Я представляю, как набрасываюсь на него подобно дикому зверю и одним укусом вырываю ему горло. В этот момент я понимаю, что мне нужно что-то сделать. Ударить, пнуть, плюнуть. Дать ему понять, что нельзя разговаривать со мной таким образом и оставаться безнаказанным. Потому что такие мужчины, даже владеющие магией, по-настоящему понимают только язык силы.

И тут раздается легкое покашливание.

Мы оборачиваемся и видим Хэзер Бэнбери в длинном пальто и с сумочкой. Глаза ее похожи на два камешка.

– Мэйв, все в порядке? – спрашивает она.

Я шагаю к ней, испытывая отчаянное облегчение в присутствии взрослого, обладающего какой-никакой властью.

– Вообще-то нет. Этот парень не хочет оставить меня в покое.

– Какая игра! – усмехается Аарон и тут же пожимает плечами. – Так что, Мэйв, считать это третьим разом?

– Да, – отвечаю я.

– Фантастика, – произносит он, разворачиваясь, и бросает на ходу: – Наслаждайся адом.

Несмотря на то что он ушел, я все еще ощущаю озноб. Что же будет после трех?

– Все нормально, Мэйв? – снова спрашивает Хэзер. – Кто

это был?

– Да так, просто один неприятный тип.

– Хм-м.

Я гадаю, не слишком ли это большое совпадение – ее появление. Ветер вздымает ее волосы, и на мгновение я снова ощущаю запах меди. И чего-то скрытого, вроде какой-то борьбы.

– Ты куда идешь?

– На автобусную остановку.

– Хочешь, провожу?

– Нет, все в порядке. Он ушел.

– Скажешь, если он снова тебя побеспокоит, ладно?

Судя по тому, как она произносит слово «он», она догадывается, что Аарон не какой-нибудь шизик, околачивающийся возле школы для девочек. Что он представляет собой нечто другое. Нечто, ей знакомое.

Запах меди исчезает. Хэзер как будто собирается сказать мне что-то важное, но в последнюю минуту передумывает.

Наслаждайся адом.

– Звучит немного... банально и избито, правда?

Сегодня четверг, вечер. В понедельник начинаются тесты. Теперь, когда начались занятия в школе, мы не можем больше встречаться на теннисном корте, поэтому сидим в «гало-пирующей личинке». На парковке у «Макдоналдса».

– В общем, когда появилась Хэзер, было такое чувство... Не знаю. Какое-то изменение в атмосфере.

Ро хмурится.

– Хэзер? Напомни-ка...

– Учительница-подружка Мэйв, – объясняет Фиона и смотрит, как я скривила лицо. – *Что?* Я не издеваюсь. Это правда!

– Она консультант, а не учительница.

– Что еще сказал Аарон? – спрашивает Ро, глядя мои волосы. – Что-то, что нам пригодилось бы? Против «Детей Бригитты».

«Он сказал, что у нас нет будущего, и я ужасно боюсь, что это правда».

– Ничего. Ничего особенного, – неуверенно отвечаю я. – Сказал, что видел тебя. В колледже.

Ро удивленно моргает.

– Я его не видел.

– Может, они стали лучше маскироваться. Следят за нами незаметно.

Лили погружает пальцы в пакетик с соусом и облизывает их.

– Мне кажется, за мной точно следят.

Все мы в изумлении поворачиваемся к ней.

– Что?

– Говорю, за мной точно следят.

– Как? Почему ты так решила?

Она замолкает и ерзает на месте. Подбирает слова. Затем говорит:

– Сегодня за мной до школы шел какой-то мужчина.

– Какой мужчина? – спрашиваю я.

– Не знаю.

– Ты его видела раньше? – мягко спрашивает Фиона, понимая, что после реки у Лили плоховато с распознаванием лиц.

Лили в ответ вздыхает.

– Лил, это очень важно.

– Может, для вас и важно, – говорит Лили равнодушно. – Но я ведь могу и поджарить их, если что, так что не боюсь.

Ро озабоченно ерзает и смотрит на меня.

– Может, вам двоим вместе ездить на автобусе по утрам?

– И какой мне толк от Мэйв? – спрашивает Лили, не дожидаясь, пока отвечу я. – Она же просто читает мысли. И то не так уж удачно.

Мне хочется поспорить, но в принципе она не так уж и неправа. Да, мне требуется слишком много сосредоточенности и фокусировки, чтобы проникнуть кому-то в сознание – особенно в случае с незнакомым мне человеком. Я и вправду вряд ли чем-то смогу ей помочь. Но я соглашаюсь ездить вместе.

– Думаешь, они попытаются завербовать Лили? Разузнать, в чем именно заключаются ее способности? – спрашивает Фиона, немного обиженная на то, что никто не пытается разузнать о ее способностях.

* * *

В школе нас ожидает очередной сюрприз – собрание для всех учениц третьего, четвертого, пятого и шестого годов обучения. Правда, в школе Святой Бернадетты нет достаточно большого зала, чтобы разместить всех, поэтому собрание проводят частями, начиная с самых младших учениц. Весь день по всей школе ходят слухи о том, что будет на этом собрании, но мы, как самые взрослые шестиклассницы, не устаиваем их своим вниманием.

– Это потому что они привели в школу каких-то молодых людей, которые хотят поговорить с нами, – говорит Фиона, вытягивая шею и наблюдая за вереницей четвероклассниц, заходящих в двери главного зала. – Типа как будто знаменитостей. Хотя это обычные парни.

К концу учебного дня подходит наша очередь. Из-за того, что нас довольно мало, нас объединяют с пятиклассниками. Все держатся обособленно, боясь смешаться с учениками другого года обучения.

У дальней стены зала стоят трое парней лет двадцати с небольшим. На какое-то мгновение мне кажется, что сейчас они начнут петь – они даже встали так, будто подготовились к подтанцовке, и выглядят каждый по-своему, словно учитывали вкусы разных девочек. Один широкоплечий, с простоватым, но добрым выражением лица, похожий на парня, который запросто может построить хижину из бревен, а потом занести тебя туда на руках. Другой – худощавый, с острыми чертами и с небрежной прической, похожий на Ди Каприо в девяностых. Третий выглядит как мультяшный астронавт. Все они улыбаются, глядя на нас. В зале наступает тишина, прерываемая смешками и перешептыванием, похожими на гул в пчелином улье.

– Добрый день, девочки, – начинает мультяшный астронавт. – Большое спасибо за то, что... эм-м... приняли наше предложение и согласились выслушать нас.

Смех усиливается, как будто он произнес какую-то настоящую шутку.

– Меня зовут Итан, – говорит астронавт.

– А я Джереми, – говорит красавчик.

– А я Том! – подает голос широкоплечий и скидывает руки в приветственном жесте.

– Убейте меня, – шепчет мне на ухо Фиона.

– Мы хотим обсудить с вами один вопрос, затрагивать который, честно говоря, в любом случае неловко... – начинает Итан. – Поэтому я выскажу все прямо как есть, понравится вам или нет. Но вы все красивые, умные девочки с блестящим будущим, и нас попросили поговорить с вами, чтобы... ну, чтобы не дать плохим людям испортить вам жизнь.

Шепот в зале усиливается. Мы с Фионой и Лили озабоченно переглядываемся.

– Бог знает, сколько в мире и без того несчастных матерей-одиночек среди подростков, – с улыбкой добавляет Джереми.

Гул нарастает. Кто-то неуверенно смеется.

– В общем, мы поговорим с вами насчет секса и отношений, – подводит итог Том.

Далее следуют самые странные и неловкие сорок минут, которые я проводила в школе Святой Бернадетты, а ведь я однажды была несколько часов заперта в кладовке с проклятой колодой карт Таро.

Несмотря на объявленную тему, выступающие совсем не говорят о сексе. Они говорят о том, как *не заниматься* сексом. О том, как часто подводят презервативы, о вреде таблеток для женского организма, о том, что гормональная контрацепция – это многомиллиардная индустрия, похожая на опиоидный кризис в Америке. Затем наступает черед «театрализованного представления».

Ну или того, что они называли «представлением в лицах».

Вперед выходит пятиклассница по имени Амелия, которая чем-то напоминает мне Лили до реки: немного простоватая и наивная, словно погруженная в свои фантазии.

Итан берет рулон клейкой ленты, и мне на какое-то мгновение кажется, что он собирается заклеить ей рот. Но он только приклеивает достаточно длинный кусок ленты на ее школьный джемпер.

– А теперь представим, что Амелия познакомилась с парнем, влюбилась в него, и они занимались сексом, – продолжает Итан.

С этими словами он отрывает кусок ленты. Амелия краснеет, а он улыбается. По всему залу проносится волна смехов.

Итан прикрепляет тот же кусок ленты обратно.

– А теперь, несколько лет спустя, Амелия поступает в колледж, знакомится с новым молодым человеком и занимается с ним сексом.

Тот же кусок ленты отрывается снова. Все это кажется настолько странным, что смех затих. Все сидят, смутившись. Постоянное упоминание имени Амелии в связи с сексом вызывает неприятное впечатление.

– Потом с Амелией знакомлюсь я, – улыбается Итан. – И влюбляюсь в нее. Я хочу жениться на ней.

Амелия, к этому времени покрасневшая как рак, старается не показывать виду, как ей нравится такой поворот в ее,

по всей видимости, блестящей будущей сексуальной жизни.

Итан срывает ленту, берет Амелию за руку и пытается скрепить лентой их ладони, но лента с прилипшими ворсинками джемпера соскальзывает с кожи рук.

– Вот видите, – говорит он. – Не получается.

Кто-то из учениц кричит:

– Возьмите новую ленту!

– Не могу, – печально произносит Итан. – У Амелии изначально была только одна лента.

Мы с Лили сконфуженно переглядываемся, но Фиона гневно хмурится.

– Да как они смеют? – недовольно ворчит она. – Почему мисс Харрис вообще разрешила им выступить перед нами? Какой-то нелепый, безумный, смехотворный балаган в духе пятидесятых. «Осуждение за порочное поведение». Женщины болеют от таблеток? Какого хрена?

– Да, странно, – киваю я, все еще в изумлении. – Бедная Амелия.

– По их мнению, девственность – это некий дар, который женщины должны отдавать мужчине. И еще какое же самомнение нужно иметь, чтобы утверждать, будто, засовывая в нас что-то свое, они меняют нашу сущность, наше представление о себе.

Я на некоторое время задумываюсь. Слово «девственность» кажется мне довольно странным, особенно по отношению ко мне самой. Технически я девственница, хотя чем

дольше мы с Ро поддерживаем отношения, тем более размытой становится граница. Пару месяцев назад у нас уже был разговор на эту тему, в один из тех редких моментов, когда переход к возможному сексу ощущается совершенно естественным: пустой дом, предстоящий долгий вечер, и к тому же мы уже лежим в моей кровати раздетые. Но тогда я была не совсем готова. Что, по-моему, его удивило, тем более если вспомнить, как я сама собиралась затащить его в постель в ночь ритуала.

Единственное, с чем я могу это сравнить, это с ночевками в гостях. Когда нам с Лили было лет девять, в нашей начальной школе все вдруг повально увлеклись ночевками, а меня эта затея почему-то пугала. Мне казалась странной затея спать впятером в одной комнате, и я уклонялась от тех немногих приглашений, которые получала. Но однажды идея перестала меня пугать. Даже не знаю почему, просто, наверное, привыкла к тому, что так бывает. Я пошла ночевать в гости, и все прошло хорошо. Так я отношусь и к сексу. Как будто я жду, пока мой мозг привыкнет к этому.

Когда я объяснила это Ро, ему мое объяснение показалось забавным, хотя и верным. Он сказал, что не будет затрагивать тему секса, пока я не буду готова. Потом я сказала, что мне будет неловко признаться в этом, а он поцеловал меня и сказал:

– Просто скажи *«ночевка в гостях»*.

– А еще более странно, что люди ведутся на это, – продол-

жала Фиона, все еще кипя от гнева. – Посмотри, девчонки прямо уши развесили.

– Которые моложе нас, – поправила я. – Из нашего класса никто не обращает внимания.

– Да, но это тем более странно. Молодые ведь обычно более продвинутые. Почему же сейчас они не возражают?

Я пожалала плечами. Я часто слышала, что следующие за нами классы более «покладистые» и «дружелюбные». В конце концов, это же мы «проблемный год».

– В общем, обычное дерьмо в духе «Детей Бригитты», – сказала я и едва не прикусила язык. – Погоди-ка... а тебе не кажется, что это и есть «ДБ»?

Пару секунд мы сидели молча.

– Похожи на клонов Аарона, – сказала я, ощущая подступающий к горлу комок желчи.

И вспомнила кое-что еще. Тот день в кафе, когда Аарон подсел ко мне. С ним были трое парней, примерно моего возраста. Они сидели на диване, и тогда я не очень хорошо их рассмотрела, но сейчас нет никаких сомнений – это действительно были Итан, Джереми и Том.

В горле у меня застревает комок. Я хватаюсь за воротник, ожидая нащупать там свой старый форменный галстук, но вместо этого нащупываю только плоский воротник. Ощущение такое, будто меня душат, лишают воздуха. Они уже в школе. В моей школе. Я провожу пальцами по ключице.

Нет, я ожидаю найти там даже не школьный галстук. Ско-

рее петлю.

Похоже, «Братья Целомудрия», как мы их назвали, постарались распространить свое «учение» во всех школах города, и небольшая часть либерально настроенных родителей возмутились настолько, что принялись звонить на местную радиостанцию. Тогда-то и выяснилось, что такие выступления проспонсированы «Детями Бригитты». Мы почти гордимся собой – тем, что догадались первыми.

Разумеется, на защиту «Братьев целомудрия» отправляют Аарона. Старый радиоведущий, явно читая с листа бумаги, медленно произносит:

– Аарон, говорят, что представители вашей организации рассказывают школьницам о том, что контрацептивы опасны и что презервативы – как *профилактическое средство* – не работают.

– Исследования препаратов говорят сами за себя, – бойко отвечает Аарон. – Об этом вам скажет любая взрослая женщина. О том, что таблетки приводят к увеличению веса, вызывают перепады настроения и *нерегулярные кровотечения*. А официальная медицина игнорирует это. Но обещаю, лет через двадцать мы будем вспоминать об этом примерно так же, как и об опиоидном кризисе.

Ведущего утренней программы, очевидно, настолько шокируют слова «нерегулярные кровотечения», что он захо-

дится в кашле, чем пользуется Аарон, меняя тему.

– Конечно, больше всего нас заботит то, как молодые юноши и девушки общаются друг с другом онлайн, как они воспринимают друг друга. Порнификация нашего общества совершенно размыла все традиционные представления об отношениях полов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.